

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL JOURNAL

ЧКГБ: конец эпохи или новый виток?

КАРТА

Российский независимый исторический журнал

Адрес:
390000, Россия, г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.

Для писем:
390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912) 77-51-17.

E-mail:
julia@memorial.ryazan.su

Учредитель:
Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о
регистрации N 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов
Редакция
Юлия Середа
Игорь Блинушов
Сергей Романов
Олег Шубин
Петр Мицнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и
документов гарантируется.

Над номером работали:
А. Блинушов, В. Дылевский,
В. Романов, С. Романов,
Ю. Середа, О. Шубин,
Л. Осепян, Е. Каширин.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
390000, Рязань,
ул. Кольцова, 16

Заказ N6
Подписано в печать 6.01.1994
Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по
инициативе польского независимого исторического
журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года,
и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного
в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

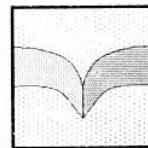
Е. ПИСАРЕВ Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа <i>Французы в советских концлагерях</i>	3
Острова скорби <i>Лагерные кладбища Ленинградской области</i>	8
Г. МАРТИРОСЯН Об одной белой странице черного предательства <i>Как большевики уничтожали Армянскую армию</i>	10
Списки репрессированных офицеров <i>Из архива рязанской ЧК</i>	16
Экспедиция «Карты» по Воркутлагу <i>Лагерь строгого режима на реке Харбей</i>	20
Берия – Сталину <i>Создание спецподразделений в Советской армии</i>	23
Г. ЖАВОРОНКОВ Сверхсекретный объект <i>Тайна Селецких захоронений</i>	24
К. ЛАСКОВИЧ Стройбатальоны <i>Армейские «зоны» для иностранцев</i>	26
Б. КУЯВА «На их месте мог быть и я...» <i>Из личного архива солдата вермахта</i>	34
Г. КРАУЗЕ Пятилетка в советском плену <i>Свидетельство военнопленного</i>	36
«Я твой окоп, Добро...» <i>ЦК КПСС против Юлия Даниэля</i>	37
«Хорошо, что мы – большевики...» <i>Трагедия «солдат партии»</i>	39

Журнал «Карта» издается при содействии:

Междунраодного
историко-просветительского
и правозащитного общества
«Мемориал»

Фирмы
орттехники
Антониуса
Гуттермана
(Мюнстер)

Полиграфической
фирмы Петера
Ломманна (Мюнстер)

Бизнесмена
Владимира
Панкратова
(Рязань)

Института Демократии
в Восточной Европе
(IDEE)

Полиграфической
фирмы ТОО «Сервис»
(Рязань)

КАРТА ТВОЕЙ ИСТОРИИ

ЭКСПРЕСС ХРОНИКА

КАРТА Karta

Крупнейшее правозащитное из-
дание России – газету «Экспресс
- хроника» и российский незави-
симый исторический журнал «КАР-
ТА» вы всегда сможете купить в
фирменном киоске «Э - Х» в
Москве, на Пушкинской площади,
напротив кинотеатра «Россия».

Евгений ПИСАРЕВ

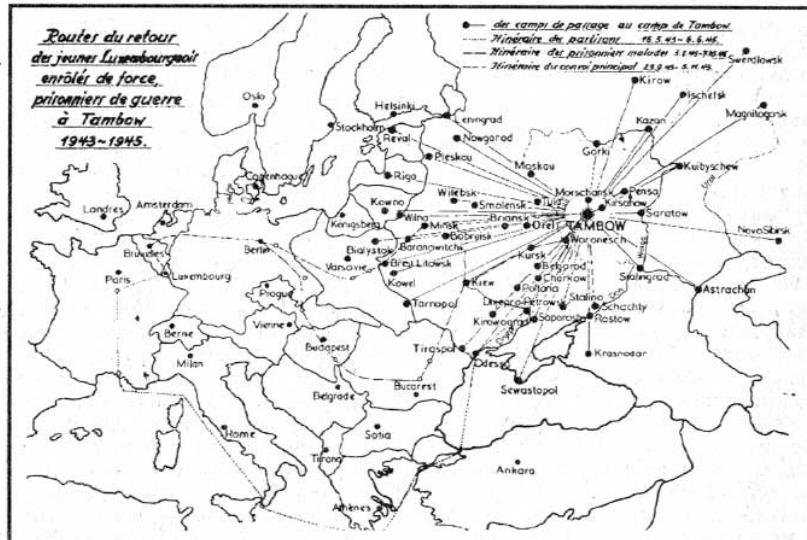
«Все погибшие имеют право на достойное погребение и их могилы должны уважаться»

В декабре 1989 года в Москве создан международный неправительственный благотворительный фонд «Вечная память солдатам». Его цель — оказание помощи всем страждущим солдатам второй мировой войны, сооружение мемориалов всем погибшим, преодоление идеологических и политических последствий второй мировой войны. Попечителями фонда стали пятнадцать народных депутатов СССР, среди которых был безвременно ушедший от нас лауреат Нобелевской премии мира Андрей Дмитриевич Сахаров. В совет попечителей фонда вошли также священнослужители, известные деятели науки и культуры.

На тамбовщине не шли бои. Но в ее земле покоятся тысячи военно-пленных, ставших жертвами диктаторских режимов Гитлера и Сталина. Могилы многих из них неизвестны, места захоронений ничем не обозначены.

Нуждаются в уходе и кладбища советских воинов, умерших от ран в госпиталях. Ждут нашего участия ветераны, инвалиды войны. Многие из погибших в плену были солдатами поневоле, все они — жертвы войны. И не будем сводить счеты, время лечит раны. Поэтому мы обращаемся к тем, кому известны места захоронений военно-пленных, кто что-либо знает о судьбе тех, чьего на родине считают без вести пропавшими: сообщите нам об этом. Фонд «Вечная память солдатам» готов выделить средства на уход за их могилами. **«Все погибшие имеют право на достойное погребение и их могилы должны уважаться».**

(Из декларации о защите солдатских захоронений и могил Международного неправительственного фонда «Вечная память солдатам»)

Карта этапирования французских и люксембургских граждан узников тамбовского лагеря НКВД №188.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа...

Казалось, война все спишет... Не списала. Ни миллионы жизней, безоглядно брошенных на ненасытный алтарь второй мировой, ни грубые просчеты военного командования, ни тотальной подозрительности, подорвавшей боеспособность нашей армии.

Не списала война тысячи и тысячи военнопленных и интернированных разных национальностей, погибших в лагерях. Поту и другую сторону линии фронта...

В годы войны НКВД собрал на Тамбовщине представителей народов чуть ли не всей Европы. Были среди них и те, кто сражался с фашистами в рядах союзников. Но участь их была общей. Умирали от ран, от болезней, погибали от пули охранника «при попытке к бегству».

Несчастным, попавшим в плен, оказывалась медицинская помощь, но медицина, тем более лагерная, была не всесильна. Для военнопленных предусматривались достаточные, для того времени, нормы питания, но всегда ли продукты полностью попадали в лагерный котел? Для военнопленных был предусмотрен 8-часовой рабочий день, но архивы сохранили документы, свидетельствующие о том, что в 1945-1946 годах они работали по 12-15 часов.

Военнопленных из тамбовских лагерей постигла разная участь.

Одни и по нынешний день живут и здравствуют у себя на родине, куда они вернулись сразу же после войны. Другие остались лежать на лагерных кладбищах. Третьим сполна пришлось испытать различие между лагерями для военнопленных и лагерями, предназначенными Сталиным для своих «братьев и сестер».

Кем же были эти французы?

О существовании под Тамбовом, недалеко от станции Рада, в годы войны лагеря, где содержались французские военнопленные, я узнал лет девять назад от представителя ассоциации «Узники Тамбова» Жана Тюэна, который приехал в Тамбов, чтобы узнать подробности о судьбе своих соотечественников. Но в то время история спецлагеря № 188 оставаласьтайной за семью печатями. И, видимо, поэтому в своем интервью, данном представителям французской печати, Жан Тюэн сделал предположение, что на станции Рада и сейчас содержатся заключенные. Советская сторона предположение это отвергла, но подробности о судьбе военнопленных французов не сообщила.

В 1990 году агентство Франс Пресс распространило коммунике «Ассоциации оказания помо-

щи французам, пропавшим без вести в Советском Союзе», и ассоциации «Узники Тамбова», в котором говорилось, что в 1943-1945 годах в общих могилах в лесу у станции Рада захоронено более 10 тысяч французов, умерших в заключении, в концентрационном лагере N 188. Об этом документе сообщила газета «Известия» в номере от 22 апреля 1990 года и, ссылаясь на книгу ведущего научного сотрудника Института социальной истории Пьера Ригуло «Трагедия солдат поневоле», прокомментировала сообщение французской печати.

Кем же были эти французы? Почему представители союзной страны оказались в нашем лагере для военнопленных? Как в дальнейшем сложилась их судьба?

На первые два вопроса ответить легко. А поиски ответа на третий породили новые.

После нацистского присоединения в 1940 году к Германии Эльзаса и части Лотарингии молодежь этих двух французских провинций была мобилизована в фашистскую армию и отправлена на Восточный фронт. Летом 1943 года Комитет национального освобождения Франции, возглавляемый генералом де Голлем, обратился к своим соотечественникам с призывом переходить линию фронта и сдаваться в плен Красной Армии. Более 100 тысяч эльзасцев и лотарингцев откликнулись на этот призыв. Значительная часть из них, считает французский историк, оказалась на станции Рада.

В июле 1944 года 1500 человек были освобождены и переправлены в Алжир, где они примкнули к армии генерала де Голля. Оставшиеся в лагере французы оказались в ужасных условиях, в результате чего к концу войны там, по версии Франс Пресс, погибло более 10 тысяч «солдат поневоле». Те, кто выжил, сообщает в своей книге П. Ригуло, вернулись после войны на родину, но французские власти, не желая портить отношения с СССР, не спешили обнародовать злоключения эльзасцев и лотарингцев в России. Первые сведения о них начали появляться в печати только в начале 50-х годов. Но судьба многих неизвестна и по нынешнюю пору, поэтому французская сторона считает необходимым создать совместную комиссию и открыть для нее все архивы.

Во власти конвоя

П. Ригуло в своей книге утверждает, что после отправки из лагеря N188 в армию генерала де Голля 1500 французов, положение оставшихся резко ухудши-

лось. Пишет об этом, основываясь на рассказах бывших узников.

А вот свидетельство незаинтересованной стороны — рапорт на имя тогдашнего начальника лагеря N188 майора госбезопасности И. Юсичева: «Доношу, что 11/1-1945 было выведено под конвоем 29 человек в/п (военнопленных — Е.П.) французов за дровами. Отойдя 100 метров от зоны, начальник конвоя спросил, французы они, или нет. Получив утвердительный ответ, стал их избивать...» Далее сообщается, что избивались они палками регулярно, главным образом за то, что не поспевали за конвоем.

Действия конвоиров вряд ли контролировались, тем более что попадали туда люди случайные, нередко с уголовным прошлым. Поэтому ослабевшие, бесправные военнопленные всецело находились во власти конвоя. Так, 27 декабря 1945 года майор И. Юсичев направляет в Москву, в соответствующее ведомство, служебную записку: «Прошу о немедленной замене гарнизона конвойных войск НКВД лагеря N 188, так как имеют случаи со стороны боец-состава пьянства во время конвоирования контингента, утери оружия в пьяном виде, оставление военнопленных вовсе без охраны, военнопленные доставляют в лагерь пьяный конвой...» Теперь представьте себе ослабевших бесправных людей под охраной пьяного вооруженного конвоя...

Военнопленные содержались не только в самом лагере на стан-

ции Рада, лагерные участки были рассеяны по всему лесу.

Их хоронили живыми

Александра Степановна Крушинина хорошо помнит это время. В 40-е годы она жила с родителями на лесном кордоне в шести километрах от станции Рада. Рядом с кордоном проходила узкоколейка. Сегодня от нее сохранилась еле заметная просека, остатки насыпи и сгнивших шпал. Александра Степановна рассказывает:

— Привезли пленных сюда летом в вагонах, в них они и жили. А работали на лесоповале. Заготавливали рудостойки, грузили в вагоны, потом их цепляли «кукушка» и куда-то отвозила... Как были пленные одеты? В форме были, в немецкой... Кто в такой грязно-зеленой, а кто в желтovатой. Точно не скажу, какой они были национальности, но люди разные. А зимой пленные жили в землянках. Вот здесь они были, видите, ямы остались...

Рядом с бывшей узкоколейкой действительно просматривались глубокие лощины довольно правильной формы. В мощные стволы сосен вросла толстая проволока, какой обычно вяжут «пасынки» к телеграфным столбам. Видимо, ею крепились стойки, поддерживающие крышу. Сравниваю землянку с рисунком из другой книги П. Ригуло — «Французы в ГУЛАГе. 1917-1984». Похоже, да и размеры совпадают. Только на рисунке, сделанном бывшим французским военнопленным, землянка наполнена трупами...

— А умирало пленных много? —

Иностранцы — заключенные лагеря N188

ФОТО ИЗ АРХИВА АРКАДИЯ ЛИВШИЦА

спрашиваю Александру Степановну.

— Ой, много! Их складывали на телеги, везли в лес и неподалеку закапывали. Сами же пленные их и хоронили, я место могу показать. Закапывали неглубоко, едва землей присыпали. Однажды, помню, пошла сено косить и наткнулась на свежую яму. Смотрю, а из земли рука торчит... А иные, которых хоронили везли, грех сказать, еще живые были. Сама слышала, как один слабым голосом кричал: «Мамо, мамо...»

В архиве сохранился «Доклад о состоянии лагеря №188», в нем приведены цифры смертности среди военнопленных за 1943 год: январь — умерло 1464 человека, февраль — 2581, март — 2770, апрель — 1811 человек. Дальше число смертей пошло на убыль. Всего с января по ноябрь 1943 года умерло 14433 человека. Немцев, итальянцев, румын, венгр. Военнопленных французов тогда еще не было, на станцию Рада они начали поступать только в самом конце 1943 года.

Не только во французах дело! Потрясает бухгалтерия смерти. Военнопленные прибывали главным образом из-под Сталинграда. Среди них было много обмороженных, больных дистрофией, тифом, дисентерией, туберкулезом. Им, конечно, оказывалась элементарная медицинская помощь, но эшелоны с пленными шли и шли...

Рассказывает Зинаида Сергеевна Вавилова. В годы войны она жила в поселке Новая Ляда, в нескольких километрах от Рады.

— Первый эшелон с пленными пришел зимой 43-го года, в начале года. Потом еще... Состав выстроился километра в два, до нашего поселка протянулся. Я была девочкой, мы с подружками бегали на станцию смотреть не-

мцев, кидали им в окна хлеб, снег — они пить просили. А конвой нас отгонял... Видела, как сами пленные выбрасывали из вагона мертвых. Их складывали на повозки и везли хоронить в овраг, прямо за скотобойней. А если мертвых было много, их складывали на открытую платформу, потом куда-то отвозили. Но скоро пленных перевели в лагерь. Иные из них потом свободно ходили по поселку, меняли ве-

ми. Не было строгого учета и в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, рапорт начальника учетного отдела старшего лейтенанта госбезопасности И. Скворцова, направленный 17 марта 1945 года начальнику лагеря № 188. «Доншу, что, начиная с января месяца 1945 года, не предстаются акты о захоронении в/пленных. В силу чего материалы на умерших в/пл. высыпаются не полностью оформленные, о чем имеется напоминание отдела по руководству лагерями. Прошу вашего указания о своевременном составлении и предоставлении в учетное отделение актов о погребении в/пленных...»

Надо полагать, что речь идет об умерших на участках, таких, о каком рассказывала Александра Степановна Крушатина. И таких участков было несколько. Например, в архивных документах упоминается Горельский строй участок «Цинистроя», где работало около 800 военнопленных. Условия жизни там резко отличались от условий жизни в самом лагере: пленные жили в неотапливаемых землянках, спали на соломе.

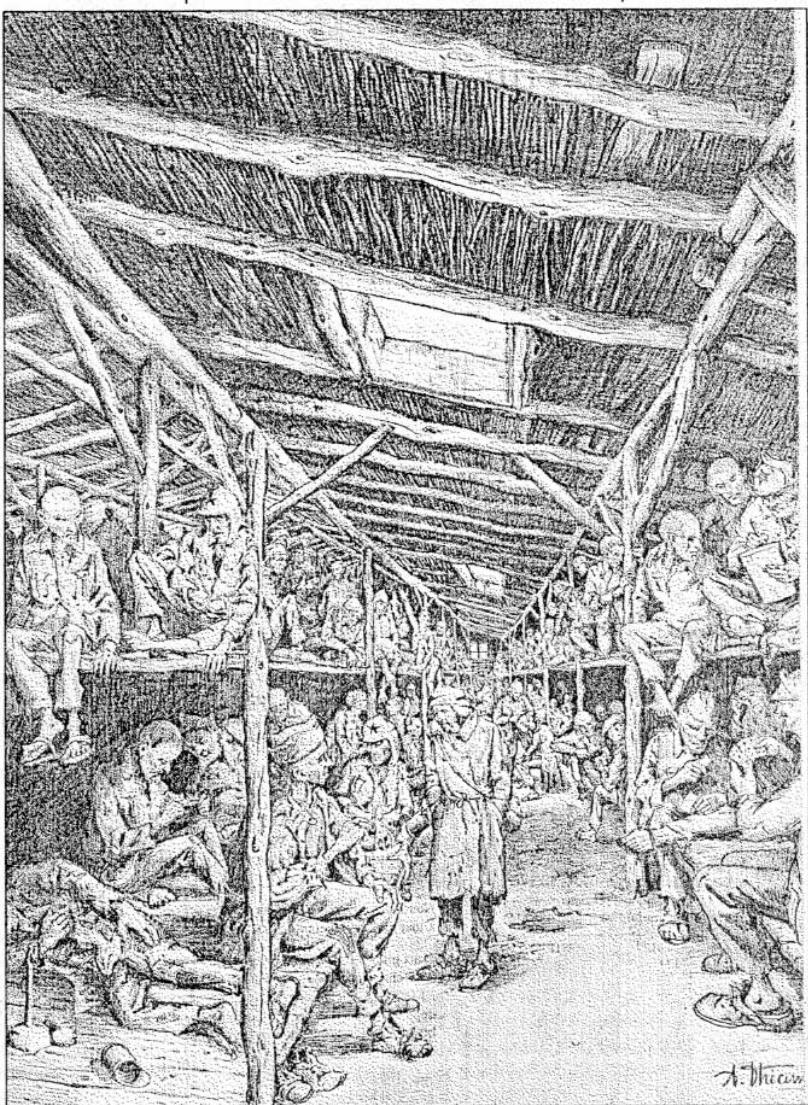
Серафим Константинович Андреев работал в «Цинистрое» водителем полуторки, возил на Горельский участок продукты для военнопленных. В основном, вспоминает он, это были мука, рыбный фарш, капуста. А

обратным рейсом той же полуторкой отвозил на Раду трупы.

Сколько их, безымянных могил, на которых ни холмика, ни столбика, разбросано в лесах под Тамбовом! Что это были за люди, какой национальности — Серафим Константинович Андреев не задумывался. Враги — и все.

«Тамбовский Париж»

В январе 1944 года начальник

В бараке тамбовского лагеря. Рисунок заключенного

ИЗ АРХИВА ЕВГЕНИЯ ПИСАРЕВА

щи на молоко, хлеб, картошку, Они и к нам в дом заходили, мама им всегда молоко давала. А один пленный венгр мне даже помогал уроки по математике делать, он до войны учителем был...

Судя по рассказам очевидцев, точного учета умерших военнопленных не велось, тем более в те дни, когда на станцию фактически прибывали вагоны с трупа-

лагеря N188 получил распоряжение от заместителя начальника управления НКВД СССР комиссара госбезопасности Сопроненко, в котором, в частности, говорилось: «Единственная национальность, которая сосредотачивается только в Вашем лагере, это французы, бельгийцы и люксембуржцы. По мере возможности в зимних условиях они из всех лагерей будут стягиваться в Ваш лагерь.»

Таким образом, в 1944 году лагерь N188 обрёл специализацию. Сюда и стали свозить эльзасцев и лотарингцев, сдавшихся добровольно в плен. До этого, надо полагать, они содержались в других лагерях, где также свирепствовали болезни, где смерть тоже косила всех без разбора. Поэтому те 10 тысяч французских военнопленных, о которых сообщает П. Ригуло, приняла не только Тамбовская земля — безымянные могилы несчастных, так и не ставших солдатами генерала де Голля, разбросаны по всей России. Где и на каких станциях и полустанках остались лежать солдаты, призванные в немецкую армию не по своей воле, — архивы об этом пока молчат. Но есть документ, проливающий свет на дальнейшую судьбу тех, кто оказался в лагере N188.

В мае 1944 года начальник управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенант Петров сообщает на станцию Рада, что принято решение об отправке 1500 французов в распоряжение французских властей.

Лагерное начальство незамедлительно составило «План мероприятий по подготовке к отправке военнопленных французов», в котором был такой пункт: «Максимально улучшить бытовые условия всем военнопленным французам и в особенности первой партии военнопленных 1500 чел., подлежащих отправке». Видимо, именно в этот период и появился альбом с отзывами французских военнопленных, в котором они изложили свои впечатления о пребывании в лагере. Впечатления, разумеется, положительные. Отзывами, отчасти, и заслуживалось право попасть в число тех 1500 человек, которые должны были быть переданы французским властям.

«Ненадежных» — в Мордовию

На этот счет сохранилось неоднозначное распоряжение из центра, подписанное все тем же генерал-лейтенантом Петровым:

«Организовать тщательную проверку военнопленных французов и всех, не соответствующих по

своим политическим качествам передаче французским властям, направлять в Темниковский лагерь N58 (ст. Потьма Казанской жел. дор.) пассажирским поездом в сопровождении сотрудников».

Этот документ многое объясняет. Но возникают и новые вопросы. Что значит «не соответствующие политические качества»? Разве желания сражаться с фашистами было мало? Или необходимо было вписываться в жесткие рамки тогдашней сталинской идеологии? Думаю, что в книгах П. Ригуло можно найти ответы на эти вопросы.

Что же касается судьбы тех, кто попал в Темниковский лагерь N58, то никаких других документов на этот счет в архиве найти не удалось. Но почувствовать тем французам можно — они отправлялись в мордовские лагеря, на один из самых крупных островов архипелага ГУЛАГ. Темнико-во, Потьма, тьма ГУЛАГа. Не в этой ли тьме сгинули те 10 тысяч...?

Другая судьба

Уже отгремели победные салюты, а военнопленные в лагерь N188 продолжали поступать, в том числе и французы. Каким-то образом их здесь сортировали и отправляли, кого на запад, кого на восток, кого и на север. В теплушках, в вагонзаках, в пассажирских. Но всех — в сопровождении конвоя. А в лагере условия оставались тяжелыми. Об этом говорит записка, переданная по ВЧ начальнику управления НКВД Тамбовской области полковнику Лещку 12 сентября 1945 года. В ней сообщается о тяжелом состоянии 2800 военнопленных французов, прибывших из Франкфурта-на-Одере в лагерь N188 истощенными и больными.

Как раз в этот период в лагерь вместе с другими интернированными французами попал и Ричард (Ришар) Душник-Блестен. Он не был ни эльзасцем, ни лотарингцем. Это — другая судьба.

Родился он в 1908 году в Париже. Во время войны служил во французской армии, воевал с немцами, попал в плен, потом бежал и, наконец, примкнул к польской Армии Крайовой. Вместе с частями Советской Армии освобождал Вильнюс. Его рассказ — это свидетельство «с той стороны», хотя Ричард Душник-Блестен живет сейчас в Эстонии в городе Валга. Своему советскому товарищу по другому лагерю он пишет:

«Пребывание в лагере для военнопленных и интернированных стоило жизни многим тысячам не только французов, но и гражда-

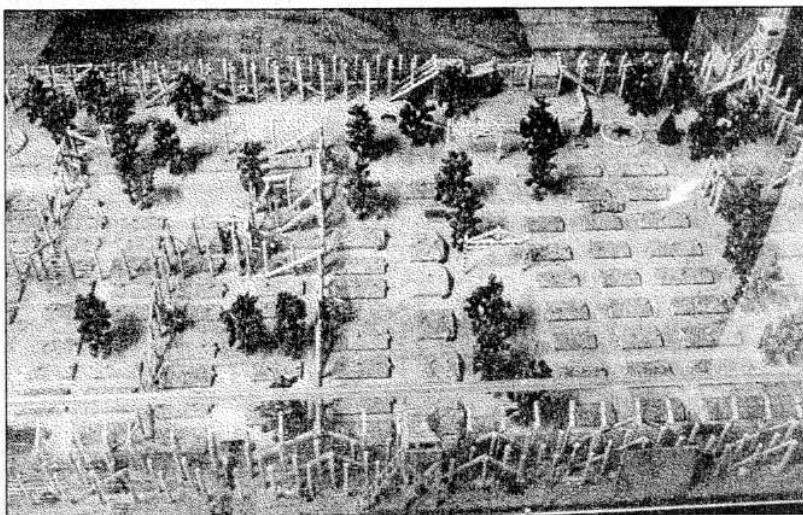
нам других национальностей. К примеру, когда я попал в лагерь на станции Рада, что в 15 километрах от Тамбова, то там в числе тысяч иных были и венгерские евреи. Их было несколько десятков, а до этого их погибло — никто не знает сколько сотен. Это были люди, которые, спасаясь от гитлеровцев, каким-то образом попали к советским «союзникам» в лагеря, где фрицы занимали самые теплые места «придурков» и имели в своих руках всю лагерную власть. Ты можешь представить, во что это вылилось для этих бедняг из Венгрии по эгидой наших «вертухов». Фрицы издевались над ними как хотели. Так же они издевались и над эльзасцами и лотарингцами, которых немцы мобилизовали в ряды немецкой армии, присоединив эти земли к Рейху. При первой возможности французы сдались нашим в плен, а в лагерях оказались в качестве существ низшего сорта. Были там также и итальянцы, бельгийцы, несколько поляков, которые являлись остатками какой-то довольно многочисленной группы, попавшей в братскую могилу еще до того, как я очутился в этом лагере в числе двенадцати французов, воевавших вместе со мной в польской Армии Крайовой.

...Привезли нас в лагерь в 1944 году в декабре. Помню, морозы стояли трескучие. В лагере уже находились французские партизаны, они воевали в разных красных бригадах. Несколько человек из них держались в стороне. Это были эльзасцы, серьезные ребята. Некоторые из них, после сдачи в плен, активно сотрудничали с Красной Армией, поэтому с ними обращались также, как с партизанами — всех поместили в одну землянку, они помещались на нижних нарах и получили тюфяки. В остальном же, в смысле режима, они ничем не отличались от общей мас-сы.

После немецкой группы французская была самой многочисленной. Во главе ее был поставлен один лотарингец, курсант военно-го училища. Когда мы прибыли, меня назначили переводчиком, считалось, что я владею русским языком.

Через несколько дней привезли большую группу французов, около 400 человек, которые никогда не служили в немецкой армии, а попали в плен к немцам еще в 1940 году. Освобожденные советскими дружественными войсками, они оказались в лагере для военнопленных вместе с немцами, которые издевались над ними по праву попавших в лагерь первыми.

В условиях северных областей

Макет лагеря НКВД N188

AMICALE DES ANCIENS DE TAMBOW, LUXEMBOURG

среди французов произошел естественный отбор на выживание, вследствие чего их осталось ох, как немного! С прибытием новичков французская группа стала реальной силой. Мы получили одну из кухонь, которую «обставили» французами. Потом вместе с группой пленных немцев прибыл Марсель Бурлье, мой друг детства. Он был старше меня по стажу, но так как я знал русский язык, то остался командиром французской группы. Мы, как могли, старались облегчить участь своих земляков, нам в этом все помогали, и мы добились определенных результатов.

Но страшная беда обрушилась на нас — эпидемия странной болезни. Человек начинал поносить, терял аппетит, потом совсем переставал есть, терял силы и умирал. Это была не дизентерия. Среди пленных были очень хорошие врачи — немцы, австрийцы, венгр-профессор, были русские врачи, но они были бессильны. Мы совещались, но мор делал свое дело и собирал страшный обильный урожай. Сначала под морг отвели землянку N28, а когда она наполнилась трупами, ее заколотили и отвели под морг землянку в два раза большую — N14. Пока зима кончилась, и эта землянка наполнилась трупами. Потом их залило талыми водами. Тогда за зоной пленные румыны вырыли огромные братские могилы и там захоронили трупы.

Неизвестно, чем бы это кончилось, но однажды на мой вопрос не боится ли он поноса, один хороший парень, судетский чех, с малых лет живший в Париже, сказал мне, что не боится. Он его останавливает, приини-

мая внутрь слабый раствор марганцовки. Я побежал на вахту, позвал главврача и рассказал ей о таком методе лечения. Вызвали того чеха, и он повторил то, что сказал, порекомендовал дозы приема, и мы сразу начали экспериментировать. Надо сказать, что лекарств в медчасты и в лазаретах почти не было, но марганцовка нашлась. Начали ею поить больных, и понос прекратился почти у всех. Таким образом мы спасли множество людей. Как жаль, что об этом методе узнали так поздно!

Пришла весна, а вместе с ней известие об окончании войны. Ликование, надежды, мечты о возвращении на родину. Однажды меня вызвали в штаб и вели составить списки партизан, тех, кто активно сотрудничал с

Красной Армией, освобожденных военнопленных. Наконец нас собрали и 14 мая погрузили в открытые товарные вагоны. Настроение прекрасное, погода чудесная, кормежка неплохая, обед на остановках в продпунктах.

24 мая мы прибыли в Одессу, там уже было полно французов. Но это уже другой эпизод моей одиссеи, о которой я тебе уже рассказывал подробно. И хватит об этом...

Болезнь, которую описал Ричард Душник-Блестен, по всей видимости, была пеллагрой. Вызывалась она недостатком в организме белка, а так же никотиновой кислоты и некоторых других витаминов. Болезнь для ГУЛАГа обычна.

Как же дальше сложилась судьба Ричарда? Книга П. Ригуло «Французы в ГУЛАГе» недаром охватывает время с 1917 по 1984 год. 27 июля 1945 года Душник-Блестен был арестован в Одессе органами НКВД, обвинен в шпионаже и осужден на 7 лет лагерей. Срок отбывал в Коми АССР. С 1952 года находился в ссылке в Сыктывкаре, женился и остался жить на родине жены. В 1972 году реабилитирован. По специальности он архитектор, участвовал, кстати, в реставрации Псковского кремля.

Такая вот судьба. Странная для француза, но понятная тем, для кого сталинский режим, репрессии были бытром. Тогда каждый иностранец воспринимался вражеским шпионом, каждый мог разделить участь тысяч советских зеков.

Сколько еще судеб хранит в тайне тьма ГУЛАГа?...

Тамбов

Вывод на работу. Рисунок заключенного лагеря N188
AMICALE DES ANCIENS DE TAMBOW, LUXEMBOURG

ОСТРОВА СКОРБИ

Список кладбищ лагерей НКВД-МВД
для военнопленных и интернированных

№ лагерей, лаготделений, спец- госпиталей, рабочих батальонов	Пункты дислокации захоронений	Кладбище открыто	Всего за- хоронено
Лагерь N157: лаготделение N3	поселок Пикалево	1945	32
лаготделение N5	поселок Бокситогорск	1944	389/3
лаготделение N7	станция Тургаги Октябрьской ж.д.	1945	41/1
Лагерь N213: лаготделение N1	поселок Подпорожье	1945	36
лаготделение N2	Шеменский лесопункт Лодейнопольского района	1945	17
лаготделение N2	Остров Октября	1946	29
лаготделение N2-4	город Волхов	1945	
лаготделение N3-9	город Волхов	1945	80/2
Спецгоспиталь N1114	поселок Сясьстрой	1944	1244/3
лаготделение N5	поселок Свирь-3	1945	164
лаготделение N7	деревня Затино Подпорожского района	1944	16
Лагерь N219: лаготделение N1	поселок Коммунар Павловского района	1944	105
лаготделение N2	станция Строганово Ленинградской области	1945	18
лаготделение N3	станция Понтонная Октябрьской ж.д.	1945	9
лаготделение N6	город Петродворец	1946	4
лаготделение N8	станция Ижора, поселок Тайцы	1946	6
Лагерь N254: лаготделение N1\8	город Петродворец	1945	27
лаготделение N2-9	поселок Иоханнес Выборгского района	1945	51
лаготделение N2-15	поселок Раута	1945	26
лаготделение N3-10	город Сестрорецк	1944	100
лаготделение N5-11	Шемиловка, берег Невы	1945	43
лаготделение N7-13	Володарский район, правый берег Невы	1946	31
лаготделение N8-14	завод имени Лепсе	1946	9
лаготделение N12	город Кексгольм	1945	50
Лагерь N122: лаготделение N1-5-18	поселок Сланцы	1945	247
лаготделение N2-19	поселок Сланцы, шахта N2	1945	38
лаготделение N3-20	поселок Сланцы	1945	69

Острова скорби

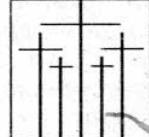
9

НН лагерей, лаготделений, спец-госпиталей, рабочих батальонов	Пункты дислокации захоронений	Кладбище открыто	Всего захоронено
Спецгоспиталь N261	Аэропортстрой, ст. Шоссейная, Варшавский вокзал	1945	570/7
Лагерь N399: центральный лазарет	Трупы переданы в мединститут	1945	242/12
лаготделение N3-7-21	город Колпино (фидерная подстанция)	1945	181/1
лаготделение N5-23	район Волод. моста, правый берег Невы	1945	22
лаготделение N4	город Ленинград	1945	94
лаготделение N3	город Ленинград	1945	66
лаготделение N12	город Петропрость	1945	24
лаготделение N14	поселок Жихарево	1945	30
лаготделение N18-35	город Красное Село	1945	14
лаготделение N24-47	деревня Горки, Волосовский район	1945	9
лаготделение N31-39-51	поселок Волосово	1945	498
Лагерь N393: лаготделение N1	город Сестрорецк	1947	12
лаготделение N2	деревня Кикерино, Волосовский район	1947	5
лаготделение N3	станция Тосно	1946	13
лаготделение N3-5-8	город Ивангород	1945	69
лаготделение N4	деревня Нисковицы, Гатчинский район	1945	13
лаготделение N4-9	поселок Красная Мыша, Волосовский район	1945	26
лаготделение N5-8-7	город Красное Село, поселок Рудничный, Сланцы	1945	46+280/4
Лагерь N393: лаготделение N10 УПВИ	станция Перница	1947	38/2
ОРБ МВС N478	город Ленинград, Поклонная гора	1945	26
ОРБ МВС N438	поселок Папорто, Лужской район	1956	57
Спецгоспиталь N3808	поселок Бокситогорск	1944	340/15

Всего кладбищ	из них			всего захоронено	
	в Ленинграде	с пригородами	в области	военнопленных	интернированных
49	10	17	32	5551	52

Материал подготовлен с использованием документов Особого Архива Главархива СССР и архивных фондов «Мемориала»
Москва-Рязань

Der Aufmerksamkeit derer, die den Kampf um Menschenrechte und die Wiederherstellung der historischen Gerechtigkeit in der ehemaligen UdSSR unterstützen mochten

Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Fotodokumente zu helfen. Unsere Adresse ist: 390000, Russland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.

Fuer die Leser, die eine Moeglichkeit hatten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an dem Programm «Soldaten des Zweiten Krieges» Hilfe zu leisten, teilen wir unser Bankkonto in Deutschland mit:

Nr. 10707269, BLZ 40050150, Stadtsparkasse Muenster, Westf, BRD.

Гюлаб МАРТИРОСЯН

Об одной белой странице черного предательства

Советизация на каждом клочке огромной страны сопровождалась насилием и обманом. Но мало в каком из районов она проводилась с такой жестокостью, как это было в Армении...

По навязанному оккупационными властями соглашению Советская Армения объявлялась «независимой социалистической республикой».

Но буквально через 10 дней начались массовые аресты и уничтожение деятелей правящих партий и офицерского корпуса Армянской армии...

Массовая высылка армянских офицеров началась 24 января 1921 года. По распоряжению ЧК и военных властей Красной армии в этот день все офицеры старой армии были приглашены на сборные пункты для «повторной регистрации»...

Арестованные офицеры прошли сквозь огонь первой мировой войны, некоторые сражались на баррикадах Бакинской коммуны, а после ее поражения через Ленкорань и Грузию торопились на родину, чтобы защитить ее границы от захватчиков.

А теперь в арестантских вагонах их везут из Баку в концентрационный лагерь города Рязани...

Наконец, после многолетних поисков в Государственном архиве Рязанской области (ГАР) обнаружилось «Дело заключенных офицеров Армянской армии». Это могло произойти еще в середине пятидесятых годов. Приехав по распределению на работу в Рязань, я познакомился с живыми свидетелями этой трагедии — с рязанцами, которые в начале 20-х работали в концентрационном лагере, располагавшемся в черте города. По свидетельству последних, заключенные армянские офицеры остались в памяти горожан как интеллектуалы, художники, музыканты, мастеровые...

Мои попытки собрать более подробную информацию о жертвах произвела беззакония каждый раз заканчивались назидательными беседами и серьезными предупреждениями со стороны соответствующих органов. Словом, прошли десятилетия, прежде чем 23 марта 1992 года раскрылись секретные фонды местного архива и «Дело заключенных офицеров Армянской армии» оказалось перед моими глазами.

Пожелавшие от времени бумаги в четырех папках. А в них списки депортированных офицеров, их регистрационные карточки, обвинительные заключения, личные документы, заявления, протесты, телеграммы, фотокарточки и очень нежные, трогательные, но неотправленные письма на армянском языке. Они лежали в архиве более 70 лет...

Возникает закономерный вопрос: за какие тяжкие преступления защитники Сардарапата и Базума, Зангезура и Карабаха, Нахичевани и Апарана оказались в концлагере города Рязани? Участвовали в организации заговоров, мятежей? Поднимали вооруженные восстания против Советской власти или воевали с какими-либо частями Красной армии? Может быть они вели антисоветскую агитацию? Ничего подобного.

История неопровергимо свидетельствует о том, что по своей профессио-нальной подготовке, воинской дисциплине армянские вооруженные формирования были самой организованной, спло-ченной силой в тогдашнем Закавказье. Их объединяла и вдохновляла прогрес-сивная, плодотворная идея освобожде-ния родной земли от порабощения, идея возрождения армянской государствен-ности. Эти формирования появились значи-тельно раньше самой Республики Ар-мения. Они создавались на основе рус-ской армии, в рядах которой к началу 1917-го года служило более 160 тысяч ар-мян. Сразу же после февральской рево-люции руководители армянского нацио-

нально-освободительного движения об-ратились к Временному правительству с предложением о создании армянской национально-освободительной армии. Новое руководство России и прежде всего Александр Керенский, который знал об армянской трагедии, положи-тельно оценили это предложение, и уже к лету 1917 года на турецком фронте бы-ло создано шесть армянских полков. К октябрю 1917 года они вошли в состав вновь образованного Армянского кор-пуса, командиром которого был назна-чен генерал Томас (Фома) Назарбеков, начальником штаба — генерал Вышин-ский. Особым комиссаром корпуса стал генерал Драстамат Кананян (Дро), а его заместителем — чардахлинец, доктор Саркис Манасян. Вскоре в Армянский корп-ус была включена также дивизия ге-нерала Андраника. К концу 1917 года Армянский корпус был окончательно сформирован.

За короткое время своего существова-ния вооруженные силы республики Армения вели только национально-освободительную войну. Они не покушались на чужую землю, не переходили госу-дарственные границы других стран. В их активе — оборона Карабаха, Зангезу-ра, Утика, и, в особенности, героическая Сардарапатская битва.

После поражения осенью 1920-го, в конце ноября того же года про-изошла советизация Армении. Точнее — ее оккупация частями XI Красной ар-мии. Как отмечал полпред РСФСР в Рес-публике Армения Борис Легран, сове-тизация Армении осуществилась за неско-лько дней и без единого выстrela со стороны армянской армии. Это было зафиксировано в документе под назва-нием «Соглашение между полпредом РСФСР и правительством Армянской республики» от 2 декабря 1920 года. В нем, в частности, было сказано, что во-енные прежней Армении полностью ре-абилитируются и поступают на службу Советской власти. В четвертом пункте этого соглашения отмечается, что «...Ко-мандный состав Армянской армии не подвергается никакой ответственности за действия, совершенные в рядах ар-мии до провозглашения Советской вла-сти в Армении». Такой подход должен был применяться не только к военным, но и ко всем политическим деятелям правящих партий Республики Армения.

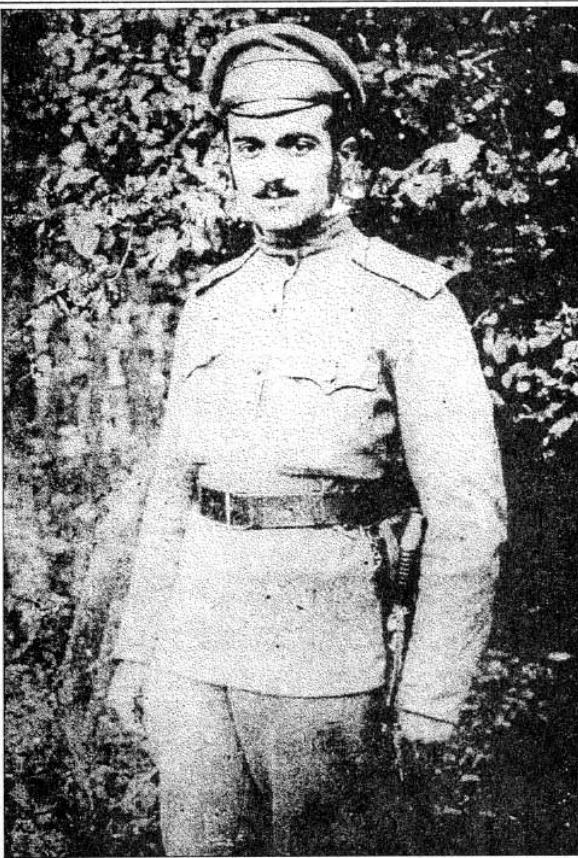
По договоренности с представителя-ми Советской России это соглашение полу-чило юридическую силу сразу же по-сле его подписания, т.е. со 2 декабря 1920 года. Даже по этому, навязанному

оккупационными властями, согласию Советская Армения обывалась «независимой социалистической республикой» со своей относительно самостоятельной внутренней жизнью (ведь в 1920, да и в 1921 годах не был еще договоренности об образовании Союза Советских республик). На деле оккупационные власти не стали церемониться с правовыми нормами. Буквально через 10 дней начались массовые аресты и уничтожение деятелей правящих партий и офицерского корпуса Армянской армии.

В своем письме на имя ЦК РКП, Ленина, Троцкого, Сталина народный комиссар иностранных дел ССР Армении А. Бекзадян отмечает, что за три месяца существования советской власти в Армении были арестованы 1400 офицеров Армянской армии (в том числе 15 генералов, 25 полковников и т.д.). Главным виновником этих массовых репрессий Бекзадян считает руководителя ЧК Армении Атарбекова, который прибыл в Ереван 14 января 1921 года. «На заседании Ревкома и ЦК Армянской компартии Отарбекян (точнее Атарбеков — Г.М.)», — пишет А. Бекзадян, — ссылаясь на инструкции ВЧК, потребовал спешной безусловной высылки за пределы Армении всех бывших офицеров (как состоящих, так и не состоявших на службе в Красной армии). Несмотря на предостережение Ревкома, считавшего это решение политически неблагородным и не вызванного необходимостью, могущим привести к нежелательным последствиям, Отарбекян проводит в жизнь «инструкцию» ВЧК» (ЦГАОР Армении, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 125-127). Нарком Бекзадян уверен, что ВЧК не могла дать санкцию на массовую высылку всех деятелей бывших политических партий и вооруженных сил Армении.

Однако, имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также обнародованные за последние годы материалы второго конгресса Коминтерна, Съезда народов Востока, переговоров между руководителями Советской России и Республики Армения летом и осенью 1920 года, оккупации Карабаха, Зангезура и Нахичевани частями XI Красной армии и т.д. показывают, что Бекзадян абсолютизирует роль Атарбекова в этом черном деле. Атарбеков, Нуриджанян и им подобные не могли не быть марионетками в руках более могущественных сил, которые ставили перед собой задачу полного разгрома Армении с тем, чтобы установить непосредственную связь с так называемой революционной Турцией.

Вообще особое отношение Советского правительства к Армении началось еще в декабре 1917 года, т.е. тогда, когда одновременно с провозглашени-

Армянский офицер Мкртич Будагян накануне ареста. 1921 г.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

ем «Декрета о Турецкой Армении» была дана команда о ликвидации Кавказского фронта, что позволило туркам проникнуться вглубь Армении, дойти до Баку, разгромить бакинскую коммуну и начать заниматься уничтожением беззащитных стариков, женщин и детей.

Особое отношение к Армении проявилось и тогда, когда московское руководство не только поддержало ноту Нариманова от 30 апреля 1920 года, но и через командование XI Красной армии стало угрожать Армении военным вмешательством, если она в течение трех дней не выведет свои войска с территории Зангезура, Карабаха и не позволит их оккупировать силами красноармейцев. В результате такого бесцеремонного вмешательства исконные армянские земли стали спорными территориями между Арменией и Азербайджаном. С аесны и до поздней осени 1920 года шли интенсивные переговоры между Москвой, Анкарой, Ереваном и Баку относительно государственных границ Армении. Руководство Советской России преднамеренно затягивало эти переговоры до тех пор, пока Армения не потерпела поражения в конце ноября 1920 года.

К этому времени Ленин окончательно убедился в невозможности победы мировой революции при помощи пролетариата развитых капиталистических государств. Поэтому он обратил свои взо-

ры на Восток. «Англия, для которой вечным пугалом был призрак казачьей пики на вершинах Гималаев, — писали советские газеты в то время, — пусть увидит теперь эту историческую пики в руках русского пролетария-мусульманина, идущего на выручку Персии, Индии, Афганистана» («Архивы раскрывают тайны». Полит. Москва, 1991).

В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» имеются документы, которые со всей очевидностью доказывают предательский характер политики тогдашнего командования XI Красной армии по отношению к офицерам вооруженных сил Армении. Среди этих документов особое место занимает прошение шестерых армянских офицеров в ГубЧК города Рязани.

«После советизации Армении, — пишут эти офицеры, — прибыл в Эривань Командарм XI К.А. т. Геккер и ... предложил командировать в штаб XI армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения дела и возвращения в Армению, с целью инструктирования остальных лиц комсостава штаба.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас, 6 лиц комсостава Главштаба из членов наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Брангеля и др., не принимавших никогда участия ни активного, ни пассивного в антибольшевистской борьбе, и командировал в город Баку, в штаб XI армии, снабдив нас всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Авила Нуриджаняна и комиссара РСФСР при Командарме ССР Армении тов. Силина.

Выехали из Эривани 14 декабря 1920 года и прибыли в Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень вежливо, как к командированным лицам из дружественной и союзной державы, ... а на следующий день нас пригласили в штаб и отправили в особый отдел штаба армии. Здесь, после заполнения анкетных листков и допроса следователя, нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации...

1 января 1921 года нас отвезли на вокзал, где комендант особого отдела заявил, что нас отправляют в распоряжение особого отдела Рязанского губернского комитета для назначения по специальности в частях Красной армии. 17 января 1921 года мы прибыли в город Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем своим долгом довести до вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина,

Колчака, Врангеля и других, а служили в штабах армии Армении, никакого участия, не только активного, но и пассивного, в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении, мы остались добровольно служить в Красной армии Армении. Нас командировали в Баку.

Просим наше дело отправить в Москву на предмет освобождения и возвращения в Красную армию Армении.

Прошение подписали: полковник Атаев Петр Петрович, капитан Тониев-Тонян Ашот Николаевич, штабс-капитан Мусаелян Гарегин Александрович, поручик Тер-Нигогосян Гарегин Михайлович, поручик Тер-Караханов Вардан Арсено-вич, и подпоручик Хачатрян Срафион Седракович. Все эти люди — известные офицеры, и не только в военных кругах Армении. В «Деле...» имеются личные документы полковника Атаева, бывшего родом из Елизаветполя (Гянджа), ему 47 лет. И вот что интересно: среди его документов находится и отрицательная характеристика ЧК особого отдела XI Красной армии, где он объявляется «...по отношению к Советской власти элементом враждебным и неблагонадежным, поэтому нахожу необходимым заключить в концентрационный лагерь г. Рязань. Отобранное оружие, деньги и пр. конфиско-

вать». Голословное обвинение без каких-либо фактов, документов, а, значит, и доказательств.

В деле Атаева имеется еще один документ — правительенная телеграмма следующего содержания: «РЯЗАНЬ. КОМИССАРУ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ. 17. ФЕВРАЛЯ 1921. N 2994 — ВСЕ СРОЧНО СООБЩИТЕ ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛА НАХОДЯТСЯ ЛИ В ЛАГЕРЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОСУЖДЕННЫЙ НР 297/2 — ЗАМНАРКОМА КАРАХАН»

Ответная телеграмма сообщала: «ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛА — НА ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ ЗА N 2994 СООБЩАЮ, ЧТО АТАЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ НАХОДЯТСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ В ВВЕРЕННОМ МНЕ ЛАГЕРЕ. ОСУЖДЕН ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ XI АРМИИ КАК НЕБЛАГОНАДЕЖНОЕ НАМ ЛИЦО. НАЧЛАГЕРЯ».

Подобным образом были сфабрикованы дела и на всех других армянских офицеров. Одних обманывали в Ереване, других — в Баку, третьих — в Тбилиси.

Массовая высылка армянских офицеров началась 24 января 1921 года. По распоряжению ЧК и военных властей Красной армии в этот день все офицеры старой армии были приглашены на сбор-

ные пункты для «повторной регистрации».

«Мы полагали, — пишут в своем прошении на имя начальника рязанского лагеря офицеры Грант Асланов и Гурген Газарян, — что это обычные сборы. Но на месте нам объяснили, что мы должны срочно, прямо с места сбора, выехать в Баку для продолжения дальнейшей службы в составе XI Красной армии. Так как железная дорога все еще находилась в руках турецких оккупантов, мы должны были отправиться пешком, через Севанский перевал до Агстафы. Оттуда поездом в Баку».

Никто не ожидал этой высылки. Обстановка в стране, в особенности на границах оккупированных турками территорий, была весьма тревожной и неясной. Разбойнические банды турок нередко переходили границу, нападали на армянские населенные пункты с целью грабежа, насилия... Каждый армянский офицер полагал, что его место здесь, что он еще встанет в ряды защитников родины. Поэтому на сборные пункты офицеры явились спокойно, в обычной городской одежде, не приспособленной для похода в зимнюю стужу через снежный Севанский перевал. За доверчивость и не дальновидность они поплатились основательно: им не разрешили даже пови-

Главное управление исполнительных работ

Регистрационная карточка

С-ПЛЕЙНОГО ГРАЖД ВОЙНЫ № 6688

- Фамилия Федоров
- Имя, отчество Рубен Авербович
- Чин (звание) Генерал Майор
- Воинская часть Приказ. Минист.
- Армии госуд. Русской
- Подданство Русской
- Национальность Армянин
- Возраст или год рождения 65
- Образование Численность общее и специальное
- Профессия и специальность Секретарь
- Место и время пленения Баку
- Адрес на родине Гюмри. Армения
- Подпись в-пленного Гюмри

13. Откуда поступил

14. Когда 1921 г. при документе № 192 от 1921 г.

15. За кем числится

16. За что осужден если есть приговор

17. На какой срок 1921 г. по 1921 г.

18. Отметка о поведении

19. ВРЕМЕННО:

Выб. 1921 г. Возвр. 1921 г.

Вых. 1921 г. Возвр. 1921 г.

Выб. 1921 г. Возвр. 1921 г.

20. Окончательно выбыл 1921 г.

21. Примечание куда, по какому документу

Подпись коменданта лагеря 2165

дня 1921 г.

Карточка учета заключенного рязанского концлагеря. 1921-22 гг.

все еще находились на значительной части территории Армении, они блокировали единственную железную дорогу, создавая тем самым осадное положение для всей республики.

Понятно, что защита независимости Армении означала прежде всего укрепление ее вооруженных сил. Но можно ли ставить вопрос об укреплении независимости, если в и без того малочисленной армянской армии сразу, одним ударом, выводится из строя 1400 офицеров? Из четырех основных списков «Дела...» видно, что вооруженным силам Армении нанесен непоправимый, страшный урон. Достаточно отметить, что из первого пехотного полка второй бригады Эчмиадзинского гарнизона были арестованы 40 офицеров во главе с полковником Сырмакешовым, из второго полка арестованы 38 офицеров вместе с подполковником Затикяном, из третьего — 20 офицеров, из четвертого — 24 во главе с подполковником Нестеровским и т.д. Могла ли эта карательная акция способствовать укреплению независимости Армении и ее вооруженных сил?

В четырех основных списках на 462 человека значатся фамилии 13 генералов и 15 полковников Армянской армии. Среди них имена Главнокомандующего вооруженными силами Республики генерала Томаса (Фомы) Назарбекова, генерал-лейтенанта К.М. Гамазова; генералов А.П. Бой-Мамиконяна, А.И. Гаджадеева, Д.И. Андриевского, Р.А. Базаева, Ю.Ф. Бржезинского, И.И. Васильева, А.А. Иванова, В.М. Хорманского, Н.Г. Павловского, И.С. Баграмова, Г.А. Шелковникова; полковников М.С. Мелик-Агамалова, братьев Бабаджановых, А.К. Меликов, М.О. Мелик-Шахназарова, С.И. Таманова, С.В. Степаняна, А.С. Папунц, В.А. Апресова, А.П. Затикяна, К.А. Мелик-Парсаданяна, А.Г. Тер-Нерсесова и других.

Все эти генералы, полковники, а также абсолютное большинство арестованных армянских офицеров были фронтовиками. Они прошли сквозь бурю и огонь первой мировой войны, по счастливой случайности остались живыми, хотя и с искалеченными телами и судьбами. Некоторые из них сражались на баррикадах Бакинской коммуны, а после ее поражения через Ленкорань и Иран, Владикавказ и Грузию торопились на территорию Армении, чтобы защитить ее границы от захватчиков. А теперь в неотапливаемых арестантских вагонах, в суровые февральские дни их везут из Баку через Ростов, Харьков, Воронеж в концентрационный лагерь города Рязани.

Но они оказались счастливее многих своих соотечественников. Пока этот обычный, тихоходный, почтово-багажный поезд таскался по холодным российским просторам, в столице советской Армении разворачивалась трагедия, которую можно сравнить только с варварскими деяниями младотурков. Уже в конце января 1921 года ереванские тюрьмы были переполнены арестованными представителями правящих партий и вооружен-

ных сил республики. В качестве заложников были схвачены видные партийные и государственные деятели: А. Оганян, А. Саакян, О. Качазнуни, Л. Шант, Н. Агабабян, А. Чилингарян, В. Шиханян и другие. Только за одну февральскую ночь в тюремных застенках города было зверски уничтожено более 50 человек, в том числе полководец Амазасп, храбрый и обаятельный полковник Горянян, легендарные фидаины Серго, Македон, Григор и другие. В это же время в одной из камер ереванской тюрьмы заключенные решили забаррикадировать двери, чтобы чекисты-убийцы не смогли проникнуть к ним. Но те стали стрелять в окно камеры из пулемета и стреляли до тех пор, пока все заключенные не были уничтожены.

Вообще советизация на каждом клочке земли огромной страны сопровождалась насилием и обманом. Но мало в каком из районов она проводилась с такой жестокостью, как это было в Армении. Имеющиеся в «Деле...» документы показывают, что за представителями армянской интеллигентии и вооруженных сил чекисты охотились не только на территории Армении и Азербайджана, но и в городах Грузии. Буквально через несколько дней после советизации Грузии, с 27 февраля 1921 года, в Тифлисе начались аресты армянских офицеров и дашнаков. За 10-15 дней на территории Грузии были арестованы 219 человек. Вскоре эта партия заключенных через Баку была отправлена в концентрационный лагерь в Рязань.

Представляет особый интерес судьба одного из бывших офицеров — Леона Алексеевича Арутюнова. В выписке из постановления особого отдела XI Красной армии сказано, что «Арутюнов Леон Аркадьевич (Алексеевич), 24 года, подпружник, сын священника... В апреле 1918 года поступил добровольно в Красную армию и служил в 3-м красном б-оне до половины сентября. С приходом в Баку турок вместе с другими бежал в Энзели и пробыл там до декабря 1918 года, затем вернулся в Баку... В июле 1919 года был мобилизован и назначен младшим офицером в Армянский полк, где и служил до марта 20 года, затем по ранению выбыл из строя... У белых не служил. В подавлении народных восстаний в Армении участия не принимал. Заявляет себя сочувствующим трудовому народу. Особых подозрений не внушиает». Казалось бы, все понятно. Тем не менее, Л.А. Арутюнов был отправлен в Рязань «для окончательной и тщательной фильтрации». Все это очень в духе чиновников советского типа. Какое имеет значение для особого отдела XI Красной армии, тот факт, что Леон Арутюнов — честный человек, патриот Армении. К тому же, смертельно больной — у него туберкулез. Тем не менее, его арестовали, но тут же вынуждены были поместить в тюремную больницу города Тифлиса. Через несколько дней с температурой 38 градусов он был отправлен в Рязань. По пути ему стало очень плохо, поэтому он был оставлен в бакинском лазарете.

Лишь в конце мая Арутюнов добрался этапом до Рязани, чтобы тут же вновь оказаться на больничной койке.

Такова еще одна страница предательского равнодушия и безразличия к судьбе человека. Имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также известные теперь другие многочисленные факты, в своей совокупности показывают, что большевистское руководство старалось с корнями вырвать дух самостоятельного национального сознания, идею независимости, свободолюбия. Непосредственный массовый террор против армянской интеллигенции большевики сочетали с политикой ограничения, ущемления прав и потребностей всего армянского народа и его государственности. Зловещая политика 37 года началась в Армении буквально с первых же часов ее советизации.

За одну ночь 24 апреля 1915 года в Стамбуле был арестован а затем уничтожен цвет армянской нации — более 500 представителей интеллигентии. А за 6 дней января 1921 года в самой советской Армении были арестованы 1400 офицеров, более 300 членов дашнакской партии. Около 90 процентов арестованных были молодыми людьми 22-35 лет. Им бы создать свои семьи, осчастливить своих жен, иметь детей. Ведь демографическое положение Армении было прямо-таки катастрофическим. Как отмечала газета «Правда» от 25 ноября 1945 года, в 1920-1921 годах на 1000 человек населения Армении рождалось 8,7 а умирало 204,2 человека, т.е. убыль населения составляла 195,5 человек на 1000 душ.

в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» наряду с большими списками имеются так называемые стандартные списки особого отдела XI Красной армии от 30 января 1921 года с обязательной надписью: «Концентрационный лагерь гор. Рязань для тщательной фильтрации. При сем сопровождаются следующие арестованные конвоиром особого отдела XI армии».

В духе революционной бдительности на заключенных армянских офицеров были составлены лагерные карточки, для оформления которых имелись готовые стандартные бланки двух типов, хотя они почти идентичны. Первый принадлежал управлению принудительных работ. На нем стоял штамп: «Регистрационная карточка военнопленного гражданинской войны». В этом бланке содержался 21 вопрос. Например, в регистрационной карточке за № 6688 на имя генерал-майора Бозаева Рубена Автюовича были отмечены: фамилия, имя, отчество, чин (звание), военная часть (в данном случае «При военном министерстве Республики Армения»), армия государства (Армянского), подданство (русское), национальность (армянин), возраст или год рождения (65 лет), образование (гимназия, 2 воен. уч., академия), место и время пленения (Эривань), профессия и специальность (артиллерист), адрес (Тифлис, ул. Михайловская, 80). В конце

страницы — подпись генерала. В скобках заключены его ответы. На обратной стороне бланка из девяти пунктов заполнен только один — время поступления в лагерь Рязани (10 марта 1921 года). Аналогичным образом заполнена и регистрационная карточка генерал-майора ереванца Бржезинского Юлиана Францевича. Несколько фактов биографического характера, без единого слова о том, за что эти пожилые люди должны были оказаться в концентрационном лагере. Военнопленные — и делу конец. Но этим двум генералам повезло значительно больше, если иметь в виду, что на других генералов такие карточки вообще не были заведены.

Более содержательным оказался бланк второго типа, точнее форма номер 1 отдела принудительных работ Наркомвнутдел. На таких бланках 26 вопросов. От первого типа данный бланк отличается тем, что дает более широкую информацию о заключенном. Например, регистрационная карточка за номером 6593 разряда 5/28 на имя прaporщика Оганянца Мушека Карапетовича показывает не только его возраст (23 года), национальность, социальное происхождение (из крестьян Нахичеванского уезда Эриванской губернии) и т.д., но и такой трагический факт его биографии: при отступлении из города Карс его молодая жена попала в плен к туркам.

У создателей дел заключенных офицеров Армянской армии концы явно не сходятся с концами. В «Деле...» имеются более 300 выписок из постановлений особого отдела XI Красной армии. Все они подписаны 30 января 1921 года. Выходит, что в течение одного рабочего дня каждый из следователей допрашивал более 50 человек, т.е. с каждым офицером беседовали 5-7 минут и на основании нескольких стандартных вопросов определяли политическую линию и степень виновности задержанного. Но возможно ли такое? По всей вероятности вопрос был решен давно, приговор был подготовлен заранее. Ты виновен, потому что жил при дашнаках. Такой упрощенный подход позволял следователям особого отдела реализовывать решения Съезда Народов Востока об отношении «пролетариев-мусульман» (точнее, младотурок, кемалистов, мусаватистов, большевиков) к Армении и ее народу. Поэтому следователи игнорировали представленные офицерами документы, в том числе и партийные билеты коммунистов. Материалы дела показывают, что бакинские следователи имели весьма упрощенные представления об антисоветской деятельности. В качестве основания для обвинения они брали только один признак: раз данный человек был офицером русской армии, следовательно, он «беляк». Раз он был в вооруженных силах Республики Армения, значит он дашнак, т.е. контрреволюционер. А ведь в 1920 году в рядах дашнакской партии состояло всего 4000 членов. Так обстояло дело в действительности. Но это не помешало чекистам в конце 30-х годов на территории

Армении найти и арестовать более 9000 «активных членов» дашнакской партии.

Вооруженные силы Республики Армения — это не дашнакская армия, хотя в них и имелись отдельные представители этой партии. Кроме того, никто из чекистов особого отдела XI Красной армии не знал, или «не знал», что партия дашнакцутюн относится к социалистическому типу политических организаций, что она входила в состав Второго Интернационала.

Не имея даже физической возможности побеседовать в течение одного рабочего дня с каждым из задержанных офицеров, следователи пошли на открытую фальсификацию. Каждый из них беседовал с одним офицером, но выносил постановление относительно целой группы. Вот один из примеров. «Выписка из постановления. 1921 года, января 30 дня, мы, военные следователи особого отдела... проверяли личность и деятельность и установили: Оганянц Мушек Карапетов — 32 года, образование — окончил учительскую семинарию в 1918 году, в том же году был мобилизован и отправлен в Тифлисскую школу прaporщиков, которую окончил 18 декабря 1919 года. После окончания заболел и остался в Тифлисе у родителей... Затем женился и уехал в Карс. Там был мобилизован армянскими войсками и назначен в Карский караульный б-он на должность младшего офицера. Оставался по день сдачи Карса... Затем переехал в Эривань. В своем полку оставался по день прихода красных в Армению. ПОСТАНОВИЛИ: всех перечисленных 4 человек офицеров Армянской армии отправить в Рязань для окончательной и тщательной фильтрации. Военные следователи. Подпись. «Согласен». Подпись. Резолюция нач. О.О. XI армии «Утверждается». 30.1.21 г. Панкратов. Выписка верна: делопроизводитель».

Так откуда же взялись офицеры, фамилии которых вообще не значатся в выписке из постановления? Это не единственный пример такого предвзятого подхода к делу. Лишь бы выполнить план, отправить и избавиться от их присутствия, а там, в рязанском концлагере разберутся, кто враг, а кто друг.

В «Деле...», между тем, имеются, во-первых, многочисленные положительные характеристики на армянских офицеров, полученные от различных организаций, в том числе и коммунистических, или отдельных должностных лиц. Во-вторых, ходатайства официальных лиц или организаций об освобождении или облегчении участия заключенных. Кроме телеграммы Замнаркоминдел Карабаха в «Деле...» имеется также и письмо замнаркома юстиции РСФСР следующего содержания: «В Рязанский концентрационный лагерь военнопленных, г. Рязань. Народный комиссариат юстиции просит не отказать в сообщении, возможно ли облегчение положения или освобождение содержащегося в концентрационном лагере военнопленных товарища Авакова Даниела». Подпись: замнаркомиста. С левой стороны письма на поло-

женном месте штамп: «Наркомат Юстиции. Апрель 1921 года. N 3639».

Член Реввоенсовета Комфронт Мирзоян в своих письмах на именном бланке, адресованных Военкому XI армии Малышеву, ходатайствует о своем школьном друге, прaporщике, участнике многодневных боев против турок Мовсесянце Левоне Ефремовиче. Он пишет: «тov. Малышеву. Прошу выслушать Мовсесянца, хорошего моего школьного друга, за которого я ручаюсь, выяснить его положение. Если возможно, прямо передать в штаб... С комприветом Мирзоян». Во втором письме Мирзоян добавляет: «тov. Мовсесянца знаю как хорошего работника и рекомендую как безусловного сторонника Советской власти. Подпись: «Член РКП N 1137». В начале марта 1921 года Мирзоян назначается военным комиссаром Бакинского уезда Бакинской губернии, а 13 марта он уже пишет ручательство о благонадежности другого офицера, заключенного го Панарджяна Арутюна Николаевича.

В «Деле...» имеется и ходатайство общего собрания Красного Учкомнара города Дилихана, а также от Нижнечамбарской комячеки об освобождении штабс-капитана Согумоняна. 15 апреля 1921 года Ревком г. Петровска (ныне Махачкала) ходатайствовал об освобождении Георгия Тарасовича Сагателова. Имеются многочисленные ходатайства и за других офицеров Армянской армии.

Регистрация заключенных армянских офицеров в концентрационном лагере города Рязани происходила поэтапно, по мере их прибывания. Наибольшее количество поступило 23 февраля, 10 марта и 14 апреля 1921 года. Кроме того, в лагере находились еще 16 человек армянской национальности, служивших в армиях Деникина, Колчака. Двое из них — Павел Джиголаян и Арам Тер-Григорян совершили успешный побег.

Остается ответить еще на многие вопросы. Во-первых, как сложилась жизнь армянских офицеров в лагере? Чем они занимались? Какой был у них рацион питания? Ведь впереди был самый ужасный, самый длинный голодный год Советской России. Во-вторых, что стало с моими дорогими соотечественниками? Сколько их осталось лежать навечно вдали от родных мест на рязанской земле? Как долго они носили ярлык «врага народа» и какие новые беды оказались на их пути в конце тридцатых годов, в суровые дни Великой Отечественной войны, в послевоенных водоворотах социалистического эксперимента в нашей стране?

Рязань

Публикация подготовлена по материалам Государственного архива Рязанской области (ГАРО). **ФОНД Р-2817. ОПИСЬ Н1. ДЕЛА: 194, 195, 196, 197, 198.**

Автор приносит глубокую благодарность Директору ГАРО Т. СИНЕЛЬНИКОВОЙ, заместителю директора Е. МЕЛЬНИКУ, сотрудникам читального зала архива за большую помощь в работе с источниками.

Автор сердечно благодарит спонсора исследования Е.Пискун, который оплатил изготовление копий архивных материалов.

ДЕЛО N 207
ОСОБОГО ОТДЕЛА ПРИ РЕВВОЕНСОВЕТЕ
XI АРМИИ

по обв. армянских офицеров
 в количестве 248 человек 6. II. 1921. 4. II. 21г. из
 Эривани в Баку прибыли 265 человек.
 Ул. Чека Армении Хачатуриан
 (между 7853-6567) с. 1, 2, 3, 4, 5, 6

ИМЕННОЙ СПИСОК
арестованных Деникинцев

- Бей-Мамиконян Александр Павл. Генер. майор
- Михайлов Александр Петрович Поручик
- Гаджаев Александр Иванович Генер. майор
- Муратов Дмитрий Филиппович Прапорщик
- Иванов Владимир Степанович Полковник
- Якупоня Николай Юманович Штабс-капитан
- Нолькен Борис Бернгандович Поручик
- Андиевский Дмитрий Иванов. Ген. майор
- Ильенко Владимир Александров. Полковник
- Шишов Николай Алексеевич Полковник
- Асмоянц Теодор Иванович Поручик
- Мелик-Агамалов Матвей Спиридон. Полковник
- Кусиков Александр Петрович Поручик
- Караогланов Алекс-др Мих. Подпоручик
- Дильянин Анушаван Степанович Поручик
- Фанарджян Георгий Артемьевич Прапорщик
- Персов Иван Павлович Прапорщик
- Касабабян Хачатур Семенович Подпоручик
- Герасименко Федор Евстафиев. Капитан
- Бдайциев Теймур Булатович Капитан
- Твортек Иван Францевич Прапорщик
- Хосровиан Георгий Сергеевич Подполковник
- Сагателян Ваган Иадваганов. Подпоручик
- Ульянов Леонид Николаевич Поручик
- Агасарян Мкртыч Алекс-др. Поручик
- Макинский Алихан Подпоручик
- Мелик-Парсаданов Ник. Ал-др. Подполковник
- Авитисян Карл. Аветович Прапорщик
- Вержбицкий Михаил Иовианович Подпоручик
- Егиазаров Баграт Никитович Подпоручик
- Маилов Арам Джангирович Подпоручик
- Саградян Николай Саядович Прапорщик
- Сулханов Александр Прапорщик
- Бабаджанов Арташес Иванович Полковник
- Сагателов Гукас Тарасович Чин. воен. вр.
- Бабаджанов Алекс-др Иванов. Полковник
- Суляян Арташес Захарович Чин. воен. вр.
- Тер-Акопов Согомон. Мартиր. Подпоручик
- Гюль-Азизов Самсон Христофор. Подполковник
- Шергилов Сергей Александров. Подполковник
- Тернересов Аруshan Григор. Прапорщик
- Погосян Семен Авансович Чин. воен. врем.
- Вартанян Левон Арсенович Поручик
- Торосов Рубен Авакович Поручик
- Берберян Тигран Исаевич Подпоручик
- Манасян Хачатур Сергеевич Прапорщик
- Гафинян Петр Яковлевич Прапорщик
- Нариманов Евгений Давидович Поручик
- Григорян Сергей Александрович Прапорщик
- Гасанджалалов Мкртыч Арутюн. Поручик
- Муровуз Мкртыч Авансович Подпоручик
- Бабаев Михаил Семенович Подпоручик
- Тер-Мартиросян Арменак Поручик
- Погосов Абгар Данилович Чин. воен. вр.
- Кондратьев Васил. Константин. Подполковник
- Внакян Николай Константинович Хорунжий
- Хачатуров Алекс-др Минасович Поручик
- Векилов Герасим Давидович Надворн. Совет.
- Оsipов Авак Макарович Прапорщик
- Амбарданов Георгий Семенович Подполковник
- Понунцев Семен Григорьевич Капитан
- Какоянц Геворк Амбарцумович Подпоручик

- Назаров Георгий Тарасович
- Тер-Осилян Иосиф Матвеевич
- Поппель Михаил Тимофеевич
- Пиরумов Леон Аганесович
- Багатуров Артемий Николаевич
- Бабаян Григорий Хосроевич
- Тер-Вартанов Овсеп Ефремович
- Аганян Сергей Манукович
- Шираян Арам Маркарович
- Арутюнян Погос Матвеевич
- Оганесян Епрем Ерланович

Председатель Чека ССР Армении (подпись)
 С. С. Р. А. Политбюро Эчмиадзинского
 уезда

Писарь
 Подпоручик
 Доктор
 Подпоручик
 Поручик
 Поручик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Прапорщик

ДЕЛО N 207 стр.67, с.6
НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА XI АРМИИ

"При сем препровождается список дашнакских офицеров количеством 102 человека совместно с ними"
 1.01.21 г. Док. N 958
 Председатель Чека ССР Армении (подпись)
 С. С. Р. А. Политбюро Эчмиадзинского
 уезда

СПИСОК
бывш. офицеров, которые зарегистрировались в здании Вагаршапатского гарнизонного клуба, согласно приказа Предчека Армении за N 3.

"24" января 1921 г.

- Степан Степанян подполковник
- Григорий Демирчоглян шт. капитан
- Арменак Гулянц шт. капитан
- Сетрак Туманянц шт. капитан
- Исаак Сырмакешов полковник
- Георгий Григорян шт. капитан
- Габриель Айрапетян подпоручик
- Гарегин Каракедов шт. капитан
- Арменак Корганов подпоручик
- Татло Шах-Мурадов капитан
- Мартирос Кунджулян подпоручик
- Погос Ванесян прапорщик
- Оганес Тер-Понесян подпоручик
- Оганес Бек-Назаров прапорщик
- Анушеван Агабабян прапорщик
- Арамаис Симонян прапорщик
- Аркадий Джарешиян поручик
- Тигран Оганджанов шт. капитан
- Амбарцум Мазманиян прапорщик
- Моисей Тер-Оганесов штабс-капитан
- Карапет Дагабян штабс-капитан
- Леон Машукян прапорщик
- Леон Мосесянц поручик
- Егише Гулянц Поручик
- Аветик Гаспарян Шт. Капитан
- Нерсес Меликов Поручик
- Иосиф Маркаров Подпоручик
- Анушеван Выкилов Подпоручик
- Григорий Маркарьянц Подпоручик
- Петр Супернак подпоручик
- Баграт Гукасов штабс-капитан
- Арташес Цыблов поручик
- Рубен Джагитов поручик
- Арменак Брутян поручик
- Павел Пашнани подпоручик
- Арам Мелик-Саркисянц прапорщик
- Сурен Барсегянц поручик
- Ваграм Хубларов поручик
- Герасим Чичан подпоручик
- Александр Алтолов подпоручик
- Дмитрий Несторовский подполковник

42. Аршавир Папунц	подполковник	7. Александров Иван Иосифович	штабс-капитан
43. Георгий Дондуров	штабс-капитан	8. Авагян Даниел Петрович	поручик
44. Михаил Зарабов	капитан	9. Апресов Боград Иванович	поручик
45. Аршак Тер-Карапетян	подпоручик	10. Аракелян Семен Айкович	штабс-капитан
46. Алексей Степанов-Кузьмин	поручик	11. Арутюнов Леон Алексеевич	поручик
47. Арменак Сааков	штабс-капитан	12. Арутюнянц Михаил Хачатурович	подпоручик
48. Матевос Погосов	прапорщик	13. Арутюнян Левон Аркадьевич	подпоручик
49. Зиновий Месропянц	прапорщик	14. Аракелян Арам Григорьевич	штабс-капитан
50. Саркис Тер-Симонян	подпоручик	15. Апушанян Михаил Хачатуров	поручик
51. Карапет Аветисянц	поручик	16. Аракелян Кегам Амбарцумович	подпоручик
52. Оганес Асагулянц	подпоручик	17. Атаев Петр Петрович	полковник
53. Рубен Боярчев	поручик	18. Асланов Грант Павлович	капитан
54. Гарегин Карапетянц	подпоручик	19. Асланян Алексан Акупович	штабс-капитан
55. Арам Айвазян	подпоручик	20. Ахназарян Сергей Сетраков	прапорщик
56. Борис Виноградов	штабс-капитан	21. Абгаров Петр Сергеевич	поручик
57. Вартан Далабаян	прапорщик	22. Амиров Амир Арамович	поручик
58. Арутюн Пинаджанц	поручик	23. Бабченко Николай Сергеевич	капитан
59. Нерсес Тер-Енисянц	прапорщик	24. Базаев Рубен Аветович	генерал-майор
60. Яков Симонгуйян	прапорщик	25. Бржизинский Юлиан Францевич	генерал-майор
61. Павел Иванов-Баркарахан	штабс-капитан	26. Бабаян Согомон Согомонович	поручик
62. Витольд Пилецкий	подпоручик	27. Бабаджанянц Александр Аветович	подполковник
63. Владимир Мелик-Еганов	подпоручик	28. Бабаджанян Александр Иванович	полковник
64. Арам Саакянц	поручик	29. Багдасарян Багдасар Айрапет.	прапорщик
65. Петрос Тер-Петросянц	поручик	30. Багдасарян Нерсес Саакович	корнет
66. Айрапет Марданян	штабс-капитан	31. Балаянц Анушаван Никитович	поручик
67. Хорен Ишдханов	подполковник	32. Балаянц Арутюн Степанович	корнет
68. Леон Ишдханов	подпоручик	33. Беклюр Михаил Тимофеевич	поручик
69. Иван Алхазов	подпоручик	34. Бахчеван Михаил Александрович	поручик
70. Давид Индоянц	подпоручик	35. Беляев Николай Петрович	капитан
71. Грачия Арабаджянц	подпоручик	36. Будагянц Мкртыч Григорьевич	поручик
72. Анатолий Янышев	подпоручик	37. Бутусов Владимир Николаевич	прапорщик
73. Грачия Лисициян	подпоручик	38. Бегларян Амазасп Петрович	прапорщик
74. Сергей Шавердов	поручик	39. Бегунц Амянк Гарегинович	прапорщик
75. Георгий Маялянц	подпоручик	40. Григорян Мнацакан Данелович	подпоручик
76. Петрос Петросянц	штабс-капитан	41. Варжалетянц Арсен Александр.	штабс-капитан
77. Григорий Хуцав	подпоручик	42. Вардалетянц Армен Абгарович	генерал-майор
78. Тигран Геворков	прапорщик	43. Васильев Иван Иванович	капитан
79. Иван Юзбашев	подпоручик	44. Вермишев Авагум Богратович	подпоручик
80. Карапет Бухарцев	прапорщик	45. Векилов Анушаван Сумбатович	подпоручик
81. Акоп Восканьян	подпоручик	46. Вердян Петрос Абкарович	подпоручик
82. Тигран Тер-Саакянц	подпоручик	47. Ванунц Беглар Симонович	поручик
83. Гарник Казарьян	прапорщик	48. Геронянц Матвей Георгевич	прапорщик
84. Антон Тольх	прапорщик	49. Габриелянц Ашот Васильевич	поручик
85. Карапет Саркисянц	подпоручик	50. Газаряны Борис Енокович	поручик
86. Арташес Мушегян	поручик	51. Гозалов Артемий Аветович	поручик
87. Яков Чаталбашян	поручик	52. Гогянц Гурген Ефремович	поручик
88. Вартан Гариков	подполковник	53. Геворкян Иосиф Мнацаканович	подпоручик
89. Рубен Джагарбекянц	штабс-капитан	54. Гурджянц Пайлак Суренович	корнет
90. Баграт Апресов	полковник	55. Гукасян Ваган Смбатович	поручик
91. Ашот Татальянц	поручик	56. Долбянц Гайк Кирилович	подпоручик
92. Левон Абовян	поручик	57. Дандуров Багдасар Багдасар.	штабс-капитан
93. Минас Алтунянц	подпоручик	58. Данелянц Айрапет Апкарович	штабс-капитан
94. Арутюн Голтухчянц	подпоручик	59. Демирчоглян Григорий Морис.	штабс-капитан
95. Мкртыч Тер-Антонянц	прапорщик	60. Долгов Иван Иванович	штабс-капитан
96. Арутюн Дабакян	поручик	61. Довлатов Айваз Арутюнович	прапорщик
97. Арсен Тер-Саркисянц	подпоручик	62. Дей-Караканов Вардан Арсен.	подпоручик
98. Оганес Шатворьянц	подпоручик	63. Дугиджиев Иосиф Лукьянович	прапорщик
99. Степан Джугурьянц	штабс-капитан	64. Зайцев Василий Петрович	капитан
100. Захарий Унанян	штабс-капитан	65. Захарбекян Аршак Петрович	капитан
101. Айказ Тер-Вартанян	штабс-капитан	66. Захаров Завен Иванович	поручик
102. Геворк Архипян	штабс-капитан	67. Закурдяев Константин Петрович	капитан

Предчека С. Мос...
Секретарь В. Сао...

ДЕЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОФИЦЕРОВ АРМЯНСКОЙ АРМИИ

Государственный архив Рязанской области (ГАРО).
ФР-2817, оп. I, дела 194, 195, 196, 197, 198.

1. Абелян Шаген Апресович	штабс-капитан	77. Иванов Андрей Афанасьевич	генерал-майор
2. Абелян Абгар Оганесович	поручик	78. Иванов Иван Алексеевич	подполковник
3. Аванесов Асатур Арменакович	поручик	79. Игнатоян Александр Давыдович	поручик
4. Аванесян Аванес Арамович	прапорщик	80. Иерусалимский Григорий Иванов.	штабс-капитан
5. Агаронов Ерванд Никитьевич	прапорщик	81. Иванов Иван Карлович	поручик
6. Агоронян Мушек Манукович	прапорщик	82. Каграманян Вартан Николаевич	подпоручик

83. Катарян Сурен Арамович	поручик	159. Сорокин Сергей Федорович	поручик
84. Казарян Гарник Вагаршакович	поручик	160. Согратян Седрак Макичевич	прапорщик
85. Камбаров Селик Николаевич	прапорщик	161. Сагателов Гукас Тарасович	капитан
86. Карагезян Артем Александрович	поручик	162. Саркисянц Рачия Борисович	штабс-капитан
87. Карагезян Арташес Геворкович	прапорщик	163. Саркисянц Ерванд Осипович	корнет
88. Кестанеर Александр Иванович	поручик	164. Саркисян Ашот Гаспарович	врач
89. Киракосян Гурген Аршакович	капитан	165. Саркисян Петрос Амаякович	поруч. (художник)
90. Kocharyanц Самвел Сергеевич	поручик	166. Саркисов Геворг Ованесович	штабс-капитан (композитор)
91. Кегамов Григорий Михайлович	подполковник		поручик
92. Кедров Николай Петрович	капитан		штабс-капитан
93. Казарян Сурен Енокович	поручик		полковник
94. Колиновский Александр Федор.	подполковник		капитан (врач)
95. Каражанов Александр Александр.	чин. воен. времени		полковник
96. Котов Александр Давидович	поручик		прапорщик
97. Котоев Алексан Самсонович	поручик		поручик
98. Корниенко Василий Петрович	поручик		поручик
99. Козлов Александр Иванович	подпоручик		поручик
100. Кречетов Александр Матвеевич	поручик		подполковник
101. Куракосян Гурген Аршакович	подпоручик		поручик
102. Кургянян Гурген Алексеевич	поручик		подпоручик
103. Лусинян Вардан Ващенович	подпоручик		поручик
104. Лазов Оганес Иванович	поручик		техник-механик
105. Мальян Георгий Иванович	подпоручик		поручик
106. Маркосов Вазген Аршакович	поручик		штабс-капитан
107. Манукян Карапет Аракелович	поручик		капитан
108. Матюнин Михаил Сергеевич	поручик		прапорщик
109. Мартиросян Карапет Авакович	прапорщик		поручик
110. Мартиросян Вазген Гургенович	капитан		поручик
111. Матинян Тигран Саркисович	поручик		поручик
112. Мельников Степан Григорьевич	прапорщик		поручик
113. Меликян Михаил Степанович	капитан		капитан
114. Минасян Сурен Николаевич	поручик		корнет
115. Мусиян Гарегин Александрович	поручик		поручик
116. Мелик-Каракозов Абрам Степан.	чин. воен. времени		штабс-капитан
117. Мелик-Каражанов Арам Семенович	штабс-капитан		капитан
118. Мелик-Шахназаров Рубен Конст.	поручик		прапорщик
119. Мелик-Карапетянц Семен Мелик.	штабс-капитан		поручик
120. Мелик-Цубарян Сели Меликет.	капитан		поручик
121. Мелик-Степанян Оганес Суренович	поручик		поручик
122. Макарьян Левон Данелович	прапорщик		поручик
123. Маркосов Эгише Петрович	прапорщик		капитан
124. Мовсесян Ашот Ефремович	прапорщик		поручик
125. Муцаидзе Рубен Георгиевич	поручик		поручик
126. Мершакчев Яков Янович	поручик		поручик
127. Мещеряков Марк Тихонович	поручик		поручик
128. Меликов Константин Александр.	полковник		штабс-капитан
129. Мешков Тимофей Семенович	поручик		поручик
130. Мириджанян Арам Мкртичевич	подпоручик		подпоручик
131. Мергулян Христофор Абрамович	подпоручик		поручик
132. Мидян Рубен Манукович	подпоручик		подпоручик
133. Налбандян Тигран Бекович	поручик		поручик
134. Нарошников Андрей Алексеевич	штабс-капитан		поручик
135. Навасардян Вазген Рубенович	поручик		прапорщик
136. Наринян Сурен Анушаванович	подпоручик		поручик
137. Никогосов Рубен Михайлович	поручик		прапорщик
138. Оганянц Мушег Карапетович	прапорщик		поручик
139. Оганов Матевос Цатваканович	прапорщик		поручик
140. Оганезов Людвиг Хачикович	прапорщик		поручик
141. Оганесян Матвей Петрович	прапорщик		поручик
142. Огаджанян Рубен Карапетович	прапорщик		поручик
143. Огаджанян Гурген Абрамович	поручик		поручик
144. Осипов Сергей Богданович	поручик		поручик
145. Осипянц Сумбат Григорьевич	прапорщик		поручик
146. Панарджян Арутян Николаевич	прапорщик		поручик
147. Парсаданов Иван Гарегинович	прапорщик		поручик
148. Погосов Даниел Николаевич	поручик		поручик
149. Попов Михаил Гаврилович	поручик		поручик
150. Раздоров Иван Петрович	капитан		поручик
151. Ростомов Рубен Павлович	поручик		поручик
152. Рубель-Меликшах Павел Петр.	поручик		поручик
153. Рубенян Вазген Погосович	прапорщик		поручик
154. Саакянц Анушаван Семенович	поручик		поручик
155. Сааков Леван Мартынович	прапорщик		поручик
156. Слогинский Константин Франц.	штабс-капитан		поручик
157. Сагумянц Вагаршак Григор.	поручик		шт. Капитан
158. Соколов Леонид Петрович	прапорщик		Капитан

Особый отдел XI армии. Дело №962
от января 21г.

**СПИСОК
бывших офицеров, подлежащих
отправке в Россию**

1. Тер-Иганесян Сергей	Шт. Капитан
2. Тер-Карапетян Абрам	Капитан
3. Матинян Тигран	Поручик
4. Тасалян Рафаэль	Прапорщик
5. Симонян Аршавир	Подпоручик
6. Дарбянян Саркис	Поручик
7. Немков Илья	Шт. Капитан
8. Тер-Атенесян Гайк	Подпоручик
9. Мамасян Степан	Поручик
10. Чубарян Хачатур	Шт. Капитан
11. Акопян Лазарь	Шт. Капитан
12. Абаян Шаген	Подпоручик

13. Степанян Оваким
14. Мирзоян Амаяк
15. Тамразян Рамзес
16. Тарасян Карапет
17. Торосян Ерванд
18. Хачикян Гарегин
19. Данилян Аветис
20. Карабанов Павел
21. Серебряков Тигран
22. Грикуров Артемий
23. Надирян Хорен
24. Мнацакянян Сумбат
25. Казарян Сурен
26. Джагацпянян Миран
27. Лазрев Александр
28. Маркосян Карапет
29. Григорян Мартирос
30. Григорян Левон
31. Тер-Абрамянц Гарегин
32. Газарян Артавазд
33. Хачанян Мамикон
34. Затикиян Акоп
35. Мдиванян Тигран
36. Мкртичян Гевонд
37. Мелик-Мартиросян Оганес
38. Шагинян Арсен
39. Предтеченский Борис
40. Мусаелян Мамикон
41. Арутюнян Никогос
42. Тер-Саркисян Мамикон
43. Бахчиев Георгий
44. Магаков Баграт
45. Качва Анатолий
46. Агабеков Амаяк
47. Авакян Васак
48. Амирагов Георгий
49. Равоев Иван
50. Ишханов Михаил
51. Мушулов Исаак
52. Тарасян Мкртыч
53. Гаспарян Акоп
54. Сейрикян Михаил
55. Аракелян Вартан
56. Моисеев Георгий
57. Мартиросян Карапет
58. Ованесов Степан
59. Туманян Баграт
60. Меликян Онан

Подпоручик	61. Матюнин Михаил
Капитан	62. Абиян Карапет
Прaporщик	63. Сеферян Левон
Подпоручик	64. Манукян Карапет
Прaporщик	65. Таодиохов Хачатур (вычеркнут)
Шт. Капитан	66. Карапоров Яков
Прaporщик	67. Иноченко Дмитрий
Прaporщик	68. Никитин Адриан
Подпоручик	69. Давидян Акоп
Прaporщик	70. Мурадян Мартирос
Шт. Капитан	71. И.... Сарю... (вычеркнут)
Прaporщик	72. Хорозян Анушеван
Поручик	73. Симонян Аришан (вычеркнут)
Поручик	74. Гашбаян Маркар
Поручик	75. Бабаев Иван
Прaporщик	76. Георгий Погосян

Предчека Армении С. Мои...
Секретарь Белов / - . /
1921 год 26/1
Зачеркнутому верить: всего семьдесят
три человека

Шт. Капитан
Подпоручик
Шт. Капитан
Подпоручик
Подпоручик
Подпоручик
Шт. Капитан
Поручик
Прапорщик
Подпоручик
Подпоручик
Штабс-Капитан
Подпоручик
Поручик
Поручик
Поручик

СПИСОК 4-ОЙ ПАРТИИ, ПРИБЫВШЕЙ 2-ГО ФЕВРАЛЯ 1921г. ИЗ ЭРИВАНИ

1. Иванов Андрей Афанасьевич	Генерал-майор
2. Меликов Константин Александрович	Полковник
3. Назарбеков Фома Иванович	Генерал
4. Гамазов Константин Михайлович	Генерал-лейтенант
5. Хороманский Василий Михайлович	Генерал-майор
6. Павловский Николай Григорьевич	Генерал-майор
7. Пичуренко Павел Павлович	Прапор. запаса
8. Хохряков Василий Васильевич	Прапорщик
9. Баграмов Иван Сергеевич	Генерал-майор
10. Мелик Шах-Назаров Мих. Осипович	Подполковник
11. Шелковников Григорий Артемьевич	Генерал-майор
12. Экобашьян Михаил Яковлевич	Подпоручик
13. Кочарянц Гайк Ованесович	Прапорщик
14. Тер-Багдасаров Иван Богданович	Шт. капитан
15. Багдасаров Нерсес Николаевич	Подпоручик
16. Бояджянц Андраник Акопович	Прапорщик
17. Александров Паруйр Сумбатович	Поручик
18. Никогосов Гайк Саакович	Прапорщик
19. Мидиянц Рубен Манукович	Подпоручик
20. Гечеян Карапет Георгиевич	Поручик
21. Аревшатов Александр Никитович	Подпоручик
22. Таманов Сергей Иванович	Полковник

Александру СОЛЖЕНИЦЫНУ – 75 лет

Дорогой Александр Исаевич!

...Понимаю, что вернуться Вам сейчас может быть и труднее, чем некогда из лагеря. И тогда, и теперь это возвращение не в ту страну, какую покинули... В нынешней России давно нет Твардовского, нет и Сахарова. Командные высоты взяты вполне бессовестными ситуантами, которые в трудные времена благородно помалкивали и убедительно свое помалкивание обосновывали теоретически...

Велика и трудна Ваша задача, но кому же и браться за нее?..
Что же до Вашего неизменного читателя, то для меня Россия, в которой находится Солженицын, будет уже не та, в которой его нет...

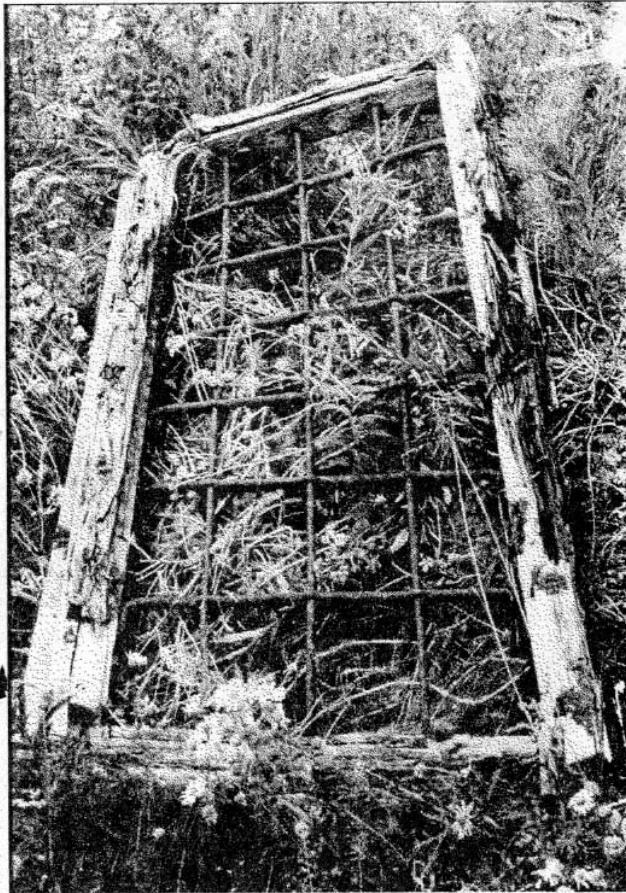
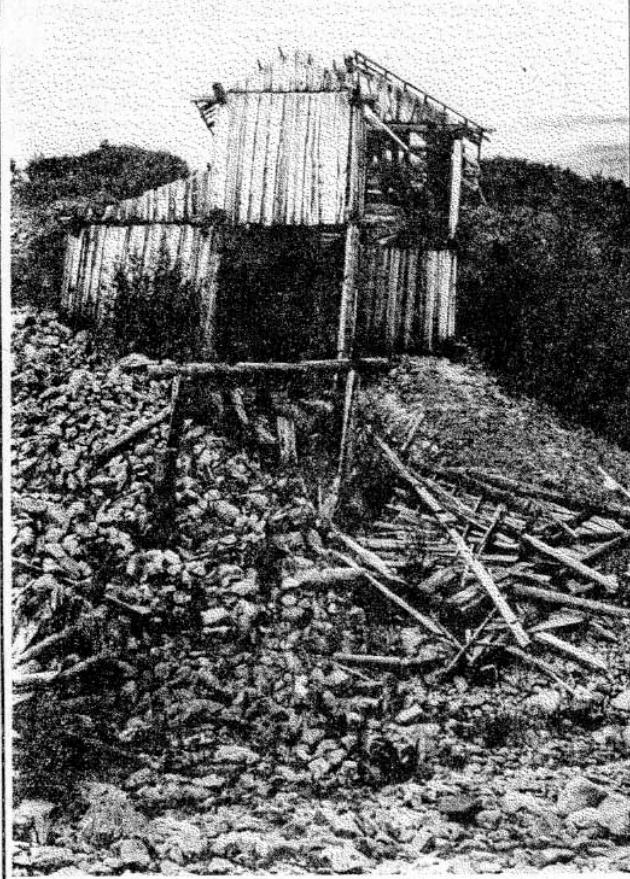
Георгий ВЛАДИМОВ

Годы, полные творчества, провел Солженицын в Рязани. Здесь написан главный труд его жизни — «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь начался его путь в мировую литературу. Прошли летом сыновья Александра Исаевича Солженицына — Ермолай и Степан — гостили в Рязани у верного друга писателя Натальи Евгеньевны Радугиной.
На снимке: (слева направо) Степан Солженицын, Наталья Радугина, Ермолай Солженицын с членами рязанского «Мемориала». ФОТО Сергей РОМАНОВ

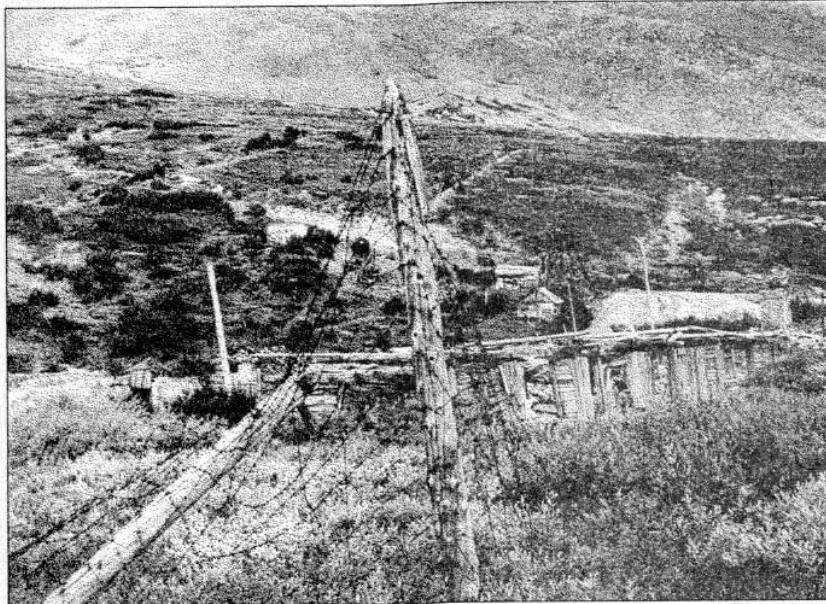
Сергей РОМАНОВ

ФОТОРЕПОРТАЖ о международной экспедиции журнала «Карта» по Воркутлагу

УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ:

Лариса МИХАЙЛЮК
 Кшиштоф ГОЗДОВСКИ
 (Польша)
 Барбара ГОЗДОВСКА
 (Польша)
 Маша СЕРЕДА
 Юлия СЕРЕДА
 Вячеслав РОМАНОВ
 Андрей БЛИНУШОВ
 Кристина КЕДРИА
 (Канада)
 Николай СЕРЕДА
 фотокорреспондент
 Сергей РОМАНОВ

ное делали заключенные, которые горбатились в три смены.

Вы сами видели, где расположен лагерь — горы, труднодоступное место. А ведь дорогу туда, все эти камни, вручную проложили те же арестанты. Электричество тянули аж с Воркуты, напрямую, через все перевалы. Снаряжали специальные командировки с конвоями. Видели эти столбы? Больше ста верст. Там же сплошные человечьи кости...

Все это огромное оборудование для фабрики везли поездом до 110-го километра, а потом тракторными волокушами тянули на Харбей. Зэков поначалу привозили на санях, а потом, попросту, гнали через горы — мороз, не мороз... Сколько не доходило — кто людей считал? Особенно при Сталине.

Полжизни у Харбяя

Свидетельство
 Григория
 Борисовича
 АРХИПЕНКОВА

Харбейский лагерь был одним из самых страшных, о которых мне довелось слышать. Там добывали молибден, он был нужен во время войны. Из этого металла, вроде бы, делали присадку для танковой брони. А в 1953 году, после смерти Сталина, лагерную фабрику консервировали, не нужен стал этот молибден.

Лагерь был большой, четыре тысячи зэков и две тысячи вольнонаемных плюс охрана. Вольные обслуживали фабрику, работали в геологоразведке, ну а все осталь-

Харбей был центральным лагерем, в нем перемешали и политических, и бытовиков. Много было «указников». Специальные «локалки» строили для женщин и иностранцев. Помню эстонцев, литовцев, поляков. В то время, на работах за зоной, мы не раз встречали колонны пленных немцев. Говорили, что для них был специальный, отдельный лагпункт.

Никто с нами тогда не считался: лагерь, война — все поставлено на карту. Правда, говорят, что сам Сталин многое не знал, верил, что в стране полно врагов. А чекисты, мол, ему такую информацию давали, Берия, гад... Хотя, чего там, Сталин сам был очень жестоким, все знают теперь. Он не считался ни с чем, ни с какими высылками, расстрелами. Из Харбейского лагеря скольких отправили в Харп для приведения в исполнение...

Расстреливали чаще всего за побеги. Несколько раз зэки на выводе разоружали конвой, отрывались группами. Бежали на Воркуту: большой город, железная дорога. Но до Воркуты добежали только двое. Беглецов расстреливали с самолетов, травили собаками.

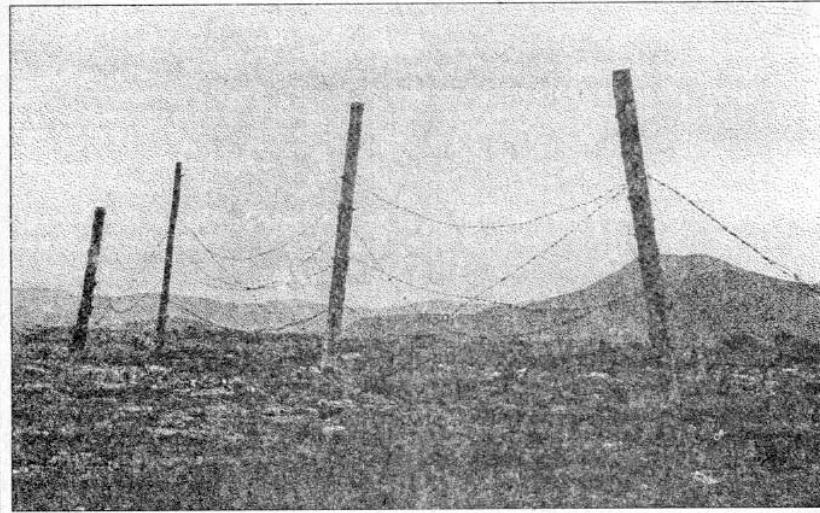
В лагпунктах Харбейского лагеря бывали и восстания, когда совсем уж невмоготу становилось. В 53-м в лагпункте Полярный, который занимался строительством моста через Собь, случился жестокий бунт. Зэки пухли с голода, цинга, конвой совсем озверел. Ну и полыхнуло. Положили всех — авиацию поднимали с Воркуты. Начальни-

ком лагеря был головорез по фамилии Удод. Даже чекисты от него шарахались. Бил людей металлическим прутом, собственноручно замордовал множество зэков. Умышленно сеял вражду в зоне. В Харбей привезли «сук», это такие продавшиеся воры. Ну и началась жуткая резня. Гонят зэков с работы, а за вахтой уже «суки» с ножами и кольем поджидают. Конвой в сторону отходит, вроде бы не видит ничего. Подождут минут 10-15, потом несколько очередей в воздух. Сами же зэки трупы оттащат, и по баракам.

И на работе все соки из нас выжимал Удод — по 12 часов в день пахали. Ни воры, ни «суки» работать не хотели, отдувались «мужики» и «политики». Плюс погода — зимой до минус сорока доходило. Бураны, — человека на землю швыряет. А начальник гнал работать — искупайте, гады, вину перед родиной. Но нашлась и на Удода управа — зарезали его заключенным после одной расправы.

Страшный был в Харбее лагерь, я уж и не думал дожить до освобождения. Да вот Бог дал, видно. Вернулся я домой, в Смоленск, а там — никого. Отец от рака умер, мачеха на порог не пустила. Ни дома, ни семьи. Обычная катафасия — не прописывают, работы нет. Все косятся на лагерника, того гляди, опять в зону угодиши. Помыкался я, плюнул, да опять за Полярный круг вернулся. Вот так полжизни и прошло у Харбея...

Полярный-Рязань

Справка «Карты»

Воркутинский угольный бассейн начал эксплуатироваться Ухтпечлагом с 1932 года. В 1936 году был создан самостоятельный Воркутлаг ГУЛАГа НКВД СССР. В 1938 году из Москвы в Воркуту во главе расстрельной комиссии прибыл Кашкетин — были казнены десятки тысяч человек. После раздела Польши Советским Союзом и Германией в 1939 году, в Воркутлаг завозят десятки тысяч польских граждан. В 1940 году, после окончания войны с Финляндией, туда завозят тысячи бывших советских военнопленных, возвращенных финнами. В том же году на Воркуту попадают десятки тысяч граждан Литвы, Латвии, Эстонии. С конца 1943 года на Воркуту завозят массу немецких военнопленных и интернированных. Заключенными построена железная дорога, соединившая в сороковые годы Воркуту с Котласом и практически вся инфраструктура региона. До 1934 года все лагеря в районе Воркуты были исключительно в ведении ОГПУ. В конце 40-х годов в Воркутлаге насчитывалось более 150 тысяч заключенных. Начальником был генерал Деревянко.

«Карта» продолжает публикацию материалов, проливающих свет на историю создания «спецподразделений» в составе Советской армии. В сегодняшнем блоке материалов, наряду с многочисленными свидетельствами очевидцев, мы публикуем текст документа, который прямо указывает на подготовку СССР к войне с Германией в 1940 году и на непосредственное участие чекистов в формировании польских и чешских дивизий.

Примечательно: ключевые фразы вписаны в текст документа от руки, что говорит о его особой секретности. Стилистика абзаца, касающегося полковника Людвига Свободы, наводит на размышления о его особых отношениях с ведомством Лаврентия Берии. Но это – тема отдельного исследования.

Редакция

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК ВКП(б)

2 ноября 1940 г.

№ 4713/б

г. Москва

Товарищу СТАЛИНУ

Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее:

1. В лагерях НКВД СССР в настоящее время содержится военнопленных поляков 18.297 человек, в том числе: генералов – 2, полковников и подполковников – 39, майоров и капитанов – 222, поручиков и подпоручиков – 6, младшего комсостава – 4.022, рядовых – 13.321.

2. Из 18.297 человек 11.998 являются жителями территории, отошедшей Германии.

Военнопленных, интернированных в Литве и Латвии и вывезенных в лагеря НКВД СССР, насчитывается 3.303 человека.

Подавляющая часть остальных военнопленных, за исключением комсостава, занята на работах по строительству шоссейной и железной дорог.

Кроме того, во внутренней тюрьме НКВД СССР находятся 22 офицера бывшей польской армии, арестованных органами НКВД как участники различных антисоветских организаций, действовавших на территории западных областей Украины и Белоруссии.

Младшие офицеры заявляют, что они будут действовать в соответствии с приказами, полученными от какого-либо польского генерала.

Конкретно следует остановиться на позициях следующих отдельных лиц:

а) генерал Янушайтес заявил, что он может взять на себя руководство польскими частями (вписано от руки — РЕД.), если такие будут организованы на территории Советского Союза для борьбы с Германией (вписано от руки — РЕД.), безотносительно к установкам в этом вопросе «правительства» Сикорского. Однако считает целесообразным наметить специальную политическую платформу с изложением будущей судьбы Польши (вписано от руки — РЕД.) и одновременно с этим, как он выразился, «смягчить климат» для поляков, проживающих в западных областях Украины и Белоруссии.

б) генерал Боруто-Спехович заявил, что он может предпринять те или иные шаги только по указанию «правительства» Сикорского, которое, по его мнению, представляет интересы польского народа.

в) генерал Пржедецкий сделал заявление, аналогичное заявлению Боруто-Спеховича.

г) несколько полковников и подполковников (Берлинг, Букоемский, Горчинский, Тышинский) заявили, что они всецело передают себя в распоряжение Советской власти и что с большой охотой возьмут на себя организацию и руководство какими-либо военными соединениями (вписано от руки — РЕД.) из числа военнопленных поляков, предназначенными для борьбы с Германией (вписано от руки — РЕД.) в интересах создания Польши как национального государства. Будущая Польша мыслится ими как тесно связанная в той или иной форме с Советским Союзом.

Для пропущивания настроений остальной массы военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, на места были посланы бригады оперативных работников НКВД СССР с соответствующими заданиями.

В результате проведенной работы установлено, что подавляющее большинство военнопленных безусловно может быть использовано для организации польской военной части (вписано от руки — РЕД.).

Для этой цели нам представляется целесообразным:

Не отказываясь от мысли использовать в качестве руководителей польской военной части (вписано от руки — РЕД.) генералов Янушайтеса и Боруто-Спеховича, имена которых могут привлечь определенные круги бывших польских военных, поручить организацию на первое время дивизии (вписано от руки — РЕД.) упомянутой выше группе полковников и подполковников (справки на них прилагаются) которые производят впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей.

Этой группе следует предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии (вписано от руки — РЕД.).

После того, как кадровый состав будет подобран, следует в один из совхозов на юго-востоке СССР организовать штаб (вписано от руки — РЕД.) и место занятый дивизии (вписано от руки — РЕД.). Совместно со специально выделенными работниками штаба РККА (вписано от руки — РЕД.) составляется план формирования дивизии (вписано от руки — РЕД.), решается вопрос о характере дивизии (танковая, моторизованная, стрелковая) (вписано от руки — РЕД.) и обеспечивается ее материально-техническое снабжение.

Одновременно с этим в лагерях для военнопленных поляков среди рядовых и младшего комсостава органами НКВД должна вестись соответствующая работа по вербовке людей в дивизию (вписано от руки — РЕД.).

По мере вербовки и окончания проверки вербуемых, последние партиями направляются к месту расположения штаба дивизии (вписано от руки — РЕД.), где с ними проводятся соответствующие занятия.

Организация дивизии (вписано от руки — РЕД.) и подготовка ее проводятся под руководством Генштаба РККА (вписано от руки — РЕД.). При дивизии (вписано от руки — РЕД.) организуется Особое отделение НКВД СССР (вписано от руки — РЕД.) с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава дивизии (вписано от руки — РЕД.).

Что касается военнопленных чехов, то их в лагере НКВД насчитывается 577 человек (501 чех и 76 словаков), в том числе: штабных капитанов и капитанов — 8 человек, младших офицеров — 39, младшего комсостава — 176 человек и рядовых 354.

В процессе бесед с отобранными из числа 13-ю офицерами установлено, что все они считают своим исконным врагом Германию (вписано от руки — РЕД.) и хотят драться с ней за восстановление Чехословацкого государства (вписано от руки — РЕД.). Себя они рассматривают как военнообязанных чешской армии, своим вождем считают Бенеша и, в случае, если на территории Советского Союза будут организованы какие-либо чешские военные части (вписано от руки — РЕД.), вступят в них по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира полковника Свобода (вписано от руки — РЕД.), ныне находящегося за границей. Свобода (вписано от руки — РЕД.) нами из-за границы вызван.

Приложение: по тексту.

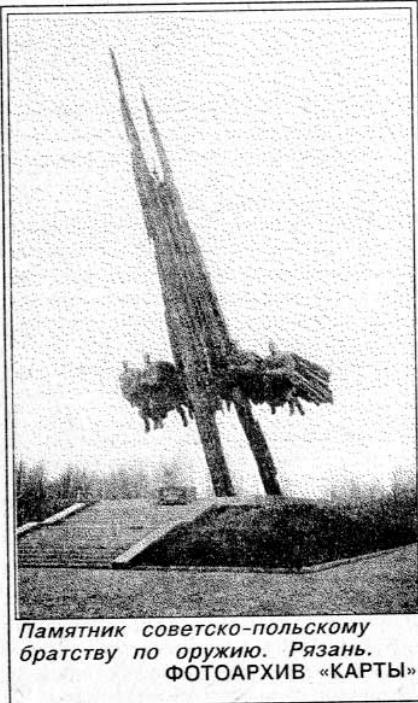
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Л. БЕРИЯ

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ

ОБЪЕКТ

Памятник советско-польскому братству по оружию. Рязань.
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Он позвонил по моему редакционному телефону, пожелал остаться неизвестным, но сказал, что ему много лет и он не хочет уносить эту тайну в могилу.

— Вы знаете, что было после расстрела польских офицеров в Смоленске, Харькове и Калинине в 1940 году?

— Нет.

— Новые расстрелы...

— Когда?

— В 1942-1943 годах в селе Сельцы под Рязанью. Там их много полегло, тех, кто не пожелал принять присягу советскому правительству...

Рассказал и исчез, оставив довольно точные координаты неизвестного миру преступления.

Уже на третьем чае езды от Москвы до Рязани мы с польским коллегой Леоном Буйко поняли, что ехать надо было не на «Ладе», а на вездеходе.

От поселка Белоомут к перевалу мы спускались по жидкой грязи как по ледяной горке. Паромчик, поворачив то у него перерыв, все же взялся перевезти нас на другой берег.

Не успели мы отплыть и десяти метров, как с белоомут-

ской горки, отчаянно сигналя, скатился вслед нам милицейский «воронок». Паром вернулся.

— Все, — тихо сказал Леон, — приехали. Вот именно так нас задерживали на подступах к Катыни.

Из машины вылез сержант и весело спросил:

— Это что же за номера у вас такие?

— Польские, — пояснил Буйко.

— Странно, машина советская, а номера польские.

Потом молчали до самого противоположного берега.

— Вам дальше-то куда? — спросил паромщик.

— В Сельцы.

— Ну, это вверх, мимо десантного училища, а там уж километров пятнадцать, если проедете.

Мимо училища проехать не удалось. Вся территория с огромным сосновым бором носила странное название «Военный заповедник». Вход и въезд в него, как гласила табличка, был строго запрещен.

Мы же въехали на свой страх и риск и больше часа плутали по избитым танками дорогам. Изредка попадавшиеся нам солдаты о поселке Сельцы и слыхом не слыхивали.

— А про Москву слышали? — с отчаяния пошутил я.

— Даже были, — ответили мне, — девятнадцатого августа...

Наконец мы наткнулись на вездеход. На вопрос, туда ли едем, водитель заверил, что туда...

— Берите правее, мимо польского кладбища, и через четыре километра Сельцы.

— Какого польского кладбища? — изумился я.

— Ну там, где поляки расстреляны, которые не захотели за нас воевать.

— А почему они должны были за нас воевать?

— Я-то тут при чем, так было...

Они сражались за родину?

О расстрела я уже знал от звонившего в редакцию старика, но слабо верил, что смогу найти то место, где свершилось еще одно преступление века.

Знал, что расстреливали в сосновом бору, вблизи дороги, недалеко от села. Правда, старик говорил об огромных, еще не осевших холмах, которые следовало искать в лесу.

Их искать не пришлось. Онемевший я стоял вместе с Леоном перед растянутым на десять метров мемориалом рядом с дорогой и именно на том месте, о котором говорил мне старик. На величественном гранитном сооружении по-польски и по-русски было начертано: «слава польским воинам, погибшим в борьбе с...измом». По случайности или по чьей-то преднамеренности последнее слово было сокращено.

Справка. В 1939 году, по разным данным, перед советской армией сложили оружие по приказу главнокомандующего от 60 до 70 тысяч польских военнослужащих. Элита армии, офицеры от генералов до капитанов были расстреляны НКВД в 1940 году. Всего около пятнадцати тысяч. Оставшиеся военнослужащие часично были отправлены «домой» (то есть к Гитлеру), остальные были рассеяны по советским концлагерям.

С началом войны Германии с СССР с польским правительством была достигнута договоренность о формировании армии под командованием генерала Андерса. По приказу своего правительства, эмигрировавшего в Лондон, недосчитавшись многих военнопленных, Андерс увел свою армию в Иран. Воевал в Египте, потом в Италии.

Трудно гадать, когда и почему пришла Сталину мысль создать свою «советскую польскую армию». Возможно, он уже мыслил перспективно, и видел ее штурмующей Варшаву. Возможно, он хотел еще более тщательно скрыть следы катынского преступления, списав исчезнувших офицеров на бои с фашистами. А может быть, и то, и другое. Но уже в 1942 году в селе Сельцы под Рязанью стали прибывать первые партии поляков.

«Он просил пощадить его ради семьи...»

Живых свидетелей трагедии нам долго искать не пришлось.

Восьмидесятилетняя Марья Бобкова охотно оторвалась от своей неженской работы: три бревна уже были ошкурены, предстояло отесать еще пять.

— Поляки? Кто ж их не помнит, здесь они были, здесь. Хорошие люди были, обходительные. Плохого про них ничего не скажу. Только воевать вместе с нами против немцев не хотели. Хотели отдельно. У моих сестры тоже двое на постое были и однажды ночью сбежали. А куда тут бечь? Сами вот оглянитесь, как на острове живем. Кругом вода и леса. Поймали их, привели к сестре. «У тебя они жили?» «У меня...» Ну, их тут же и расстреляли. Даже в лес поленились вести. Один совсем молоденький был. Он просил пощадить его ради семьи. Мать ли имел в виду, или своих детей, не знаю. Вообще-то для таких дел было место в лесу, на нем теперь памятник. Теперь туда многие ходят. Места там грибные...

Другая свидетельница пожелала остаться неизвестной.

— Мало ли чего... Знаем мы вашу гласность... А помнить помню, однажды я с ними перевоплялась на пароме. Мне было шестнадцать лет. Они стали между собой подшучивать надо мной, а я все понимала, они почему-то на украинском говорили. Я их дернула. Разные они были. Одни вежливые, обходительные, руки в золотых кольца. А другие — ворье ворьем. У одного старика бочку укради, у соседки катушку ниток. У одних все время молитвенники в руках, а у других на уме, кого бы облегорить...

Расстрелы были... Один виде-ла сама, когда шла через польский лагерь. Солдат построили и расстреляли они своего же у всех на глазах. Что страшно — при этом присутствовал ксендз. Может, так принял?

Про разных поляков свидетельница не ошибается. Отчаявшись заставить польских подданных воевать на стороне советской армии, привезли сюда «наших» поляков, давно уже утративших свой

язык. Везли и из уголовных лагерей людей, совершивших какое-либо преступление...

Ольга Здражель:

— Среди поляков были, ну как вам сказать, и «белые» и «красные». Мира среди них не складывалось. Я почему знаю? У нас с мамой в доме двое на постое были. Один из них, Здражель, стал моим мужем.

Приisyгу заставляли принимать в лесу. Многие отказывались: «зачем я буду присягать русским? За то, что они меня в Сибирь сослали?» Таких там расстреливали. Часто бывала здесь писательница Ванда Васильевская. Говорила долго, с выражением. Я не понимала, о чем.

Мужа послали в военное училище. Потом он вызвал к себе меня. Там по неосторожности я и потеряла своего еще не родившегося ребенка. Муж очень горевал, а мне еще горше было — объявили мне, что детей не будет. Провожая на фронт, я сказала мужу: Хочешь — возвращайся, хочешь — нет, раз уж случилось у нас такое. Он не вернулся.

В 1957 году, после смерти мамы, нагрянули к нам сюда поляки во главе с самим Гомулкой. Созвали нас в клуб. Яглянула на сцену и охнула — там сидел мой муж. Бабы спросили меня: ты чеш, Оль? Я сказала, что мне на ногу наступили. Муж узнал меня, но не зашел. Потом мне сказали, что он просил разрешения повидаться. Запретили... наши!

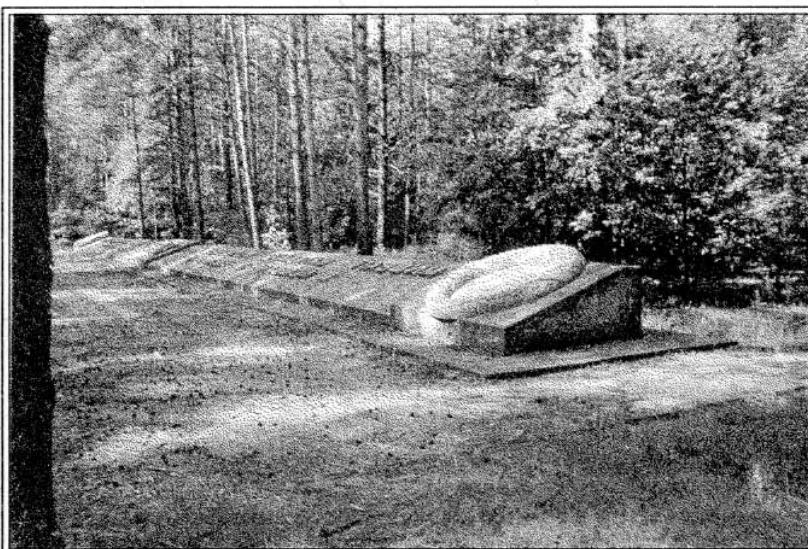
А места здесь грибные

В избы на постой селили только офицеров. Это их, бравых, подтянутых и... сломленных демонстрировали иностранным журналистам в 1943 году, о чем свидетельствует американский журналист Александр Верт в своем книге «Россия в войне 1941-1945 годов». Солдаты жили в землянках и летом зимой. Тем, кто умирал сам, почестей не оказывали. Свозили в тот же сосновый бор, где хоронили «ослушников и дизетиров». И, по свидетельству бывшего егеря Петра Голинова, до самых семидесятых годов на этом месте не было ничего, даже крестов. А польские делегации после приезда Гомулки бывали здесь не раз. С жителями уже не встречались, гуляли в расположении военного училища. Кто это, Бог ведает. Ветераны ли Войска Польского или партийные лидеры? Но в селецкий лес они не рвались даже по грибы. Не говоря уже про цветы на могилу павшим от «...изма».

Да и сейчас нет у мемориала цветов и не звучат здесь молитвы ксендзов. Открывали его в восьмидесятые годы маршал Устинов и генерал Ярузельский. Для кого? Знал ли бывший президент Польши, кто лежит в этой земле и чьи это жертвы?

Светлая память полякам, погибшим в борьбе с фашизмом. Многих лет живым ветеранам. Но ни тем, ни другим вот такой секретный мемориал не нужен. Не нужна и такая слава, «звукящая» в глухом непролазном лесу, считающимся заповедником и запретной зоной.

Не знаю, как другие, а я теперь всегда внутренне вздрагиваю, когда вижу табличку «Заповедник» и колючую проволоку в два, а то и в три ряда. Что скрывается за этим трогательным желанием оберечь от нас природу? Искренняя забота, или попытка скрыть еще одно бесчеловечное преступление?

«Павшим в борьбе с ...измом». Сельцы. Август 1993 г.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Москва-Рязань

Кристина ЛАСКОВИЧ

СТРОЙБАТАЛЬОНЫ

Кристина Ласкович, находясь в 1988-1989 г.г. в Институте Гувера (Станфорд, Калифорния) в качестве научного стипендиата по специальности «полонистика», однажды случайно заинтересовалась находящимся там «архивом Андерса». Она обнаружила около 50 уникальных документов, касающихся польских граждан, мобилизованных в 1939-42 г.г. в Красную армию.

После 17 сентября 1939 г. власти СССР признали жителей польских восточных территорий своими гражданами и подчинили их своему законодательству. Одним из результатов этой узурпации был массовый призыв польских граждан в Красную армию. Это была беспрецедентная акция, проведенная с нарушением международных соглашений.

С сентября 1939 г. по март 1940 г. во всех занятых Советами уездах была проведена регистрация всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет (во Львове от 17 до 50 лет) – в том числе выходцев из Западной Польши. Было официально объявлено, что уклонение от военной службы карается смертью, высылкой семьи призывника в Сибирь и конфискацией имущества.

Регистрация охватывала много вопросов, в том числе: происхождение, место работы до 17 сентября 1939 г., национальность, образование, принадлежность к коммунистической партии, родственники за границей и в заключении. Медицинские комиссии признавали годными к строевой службе почти всех.

Предварительные списки использовались и для других целей. Основываясь на них, производились массовые аресты.

В большинстве уездов призыв на строевую службу проводился весной и осенью 1940 и весной 1941 года. Были призваны в Красную армию 1917-19 года рождения полностью, частично 1920-22 гг. Кроме того, мобилизовали выпускников средних школ 1923 года рождения. Во многих уездах были призваны резервисты в возрасте до 45 лет и часть из них была задержана в Красной Армии после 22 июня 1941 года. (1)

(Примечания размещены в конце текста.)

Насильная мобилизация

Из подсчетов конца 1941 года следует, что в 1939-41 годах в Красную Армию и ее рабочие батальоны было насильно призвано не менее 210 тысяч польских граждан. (2) Мобилизованных поляков отправляли, в основном, вглубь СССР.

Независимо от обычных призывных комиссий, органы НКВД

проводили набор в Красную Армию иными методами. Вот записи 15-летнего школьника Михала Вароника: «После перехода Советами польской границы, я, будучи школьником, был вынужден посещать русскую школу. Через какое-то время (01.13.39) я был отправлен в школу Ф.З.О. (фабрично-заводского обучения) в Слоним. В этой школе не учили никакой профессии, а заставляли работать для Красной Армии. Через несколько недель нас вывезли в Россию – в город Чапаевск, на военный завод. Было нас 120 поляков и 40 евреев.»

В некоторых уездах молодежь призывали на «трудовой фронт». Например, в Сокульце (под Белостоком) был организован трудовой лагерь для 140 призванных в армию учащихся 1923-25 г.г. рождения. Ребят учили работе с деревом. Среди них проводилась пропаганда, их склоняли к вступлению в комсомол. За употребление польского языка или ношение религиозных медальонов наказывали строгим заключением. В июне 1941 года их вывезли в рабочие батальоны в Петропавловск, Комсомольск и на уссурийские лесопилки.

В Красную Армию, также принудительно, призывались медсестры и, массово, врачи (из Львова около 200, из города Ровно – несколько десятков). Забирали их из дома, с работы, зачастую ночью, иногда позволяли проститься с близкими, но почти всегда угрожали смертью за сообщение о месте пребывания. Распределяли их по том по санитарным поездам, фронтовым госпиталям.

Призыв польских граждан в Советскую армию не всегда проходил без сопротивления. В январе 1940 года в Бубрецком и Коссовском уездах мероприятие было приостановлено, так как отмечались массовые побеги населения в леса и демонстрации протеста. Случалось, что от регистрации уклонялись целиком населенные пункты, как например деревня Перехинск Ружновского уезда, где призывная комиссия после трех дней ожидания сдалась – не явился ни один человек. (4) Украицки также избегали регистрации и пытались перейти на территорию Румынии или Венгрии. Многие из

тех, кто хотел спастись побегом за границу, в дальнейшем оказались в заключении (по обвинению в шпионаже), позже – в принудительных трудовых лагерях.

Под особым надзором

После начала советско-немецкой войны жизнь польских граждан в советской военной форме была значительно лучше судьбы тех, кто оказался в трудовых лагерях или в заключении. К ним относились так же, как и к советским призывникам: питание, одежда, гигиенические условия, медицинское обслуживание были одинаково убогими для всех солдат. Но поляки были под особым надзором, по отношению к ним проводилась политика агрессивной советизации, порочились польский народ и правительство, их убеждали, что Польша, как государство, не существует и существовать не будет, оскорблялись национальные, религиозные, патриотические чувства. От солдата Красной Армии добивались преданности «новой отчизне». Слежка НКВД приводила к суровым репрессиям против тех, кто оказывал малейшее сопротивление.

«20.09.40 г. я прибыл в 21 полк горной кавалерии – в Курган-Тюбе вблизи афганской границы. После нескольких дней карантина началась обычная подготовка призывника. Кроме боевого обучения в советской армии есть еще политзанятия, как обязательный предмет. На отношение к политзанятиям обращается особое внимание. 8 часов в неделю боец слушает доклады о том, что СССР – самое демократичное в мире государство, что оно проводит самую мудрую международную политику, целью которой является не завоевание лучших земель, а освобождение угнетенных народов, «протягивание им руки братской помощи» и т.д.» (Анатолий Слобей)

«Казармы холодные, серые и вообще не отапливаются. Гигиенические условия ужасные, не умывались и не брились целыми неделями. Русские ненавидят поляков, что стараются подчеркнуть на каждом шагу самым гнусным способом. Питание составляли 300 грамм хлеба и жижа под названием суп. Что каса-

ется одежды, достаточно сказать, что при 40 градусах мороза носили летнюю форму. Отношение командования НКВД было ужасное, особенно к полякам. После ареста меня допрашивали и избивали так, что пролежал 3 недели в госпитале. Каждый день заканчивался проклятиями Польши и поляков». (Кароль Лукашевич)

Ситуация драматически изменилась после 22 июня 1941 года. Много поляков, признанных особенно неудобными, сразу попали в заключение. Большинство польских граждан было разоружено, уволено со строевой службы и сгруппировано в рабочих батальонах под надзором НКВД. Теоретически, задачей рабочих батальонов были работы на строительстве военно-оборонительной инфраструктуры (мосты, аэродромы, дороги, укрепления) и работа на военных заводах.

Ненадежные элементы

Практически, происходили объединение и изоляция всего «ненадежного элемента» советской армии: всех, кого из-за происхождения, национальности, традиций, взглядов, сознания или психики можно было подозревать в деструктивном влиянии на мораль советского солдата, в содействии противнику, желании диверсии или дезертирства.

Это касалось всех национальностей, но особенно затронуло поляков, немцев, украинцев. Формировались национальные и смешанные стройбаты. Поляки группировались в нескольких местах, наиболее массово в Орле, Самарканде, Ташкенте. Затем они делились на различные батальоны и направлялись в трудовые лагеря. По выполнении задания перебрасывались на новый участок. Солдаты, демобилизованные из Красной Армии были как бы внутренней разновидностью военнопленных. Созданные из них и других «западников» батальоны были, в сущности, лагерями.

«Нас должны были послать на передовую, но помешал приказ Сталина всех поляков разоружить и отослать в тыл под охраной и так этот приказ выполнили, что отняли у нас даже ремни и обмотки, потом НКВД погнал нас в Киев, в ботанический сад, и сидели мы там 5 дней. Через 5 дней погрузили нас в товарные вагоны и везли 15 дней через пол-России в закрытых вагонах. 6 дней не давали ни воды ни хлеба, так, что вскоре все лежали на нарах,

как трупы от голода, жажды и мучений.

Через 15 дней такого путешествия транспорт дошел до местности Шостки, где работали на раскорчевывании леса. Оттуда перебросили в Мерефич под Харьковом, где строили оборонительные сооружения. Когда приблизился фронт, лагерь погнали пешком в направлении Сталинграда».

Голод и бесправие

Медицинская помощь в лагерях отсутствовала. Если даже в лагере был врач, у него не было лекарств и медицинского оборудования. Так же плохо было и с питанием, одеждой, гигиеническими и трудовыми условиями. Почти все сообщения говорят одно и то же. Нормы труда в рабочих батальонах, как и в заключении, были невыполнимы. Солдаты болели куриной слепотой, мерзли без одежды, вшивость была страшная. Несмотря на угрозу расстрела, многие бежали.

«Из-за постоянных допросов НКВД двое сошли с ума. Посаженных за агитацию засунули в яму, крытую досками, предназначенную для уборной, на 18 дней и охранял их особый часовой. Пищу нам нельзя было им передавать, кормили их большевики. Чем их кормили – неизвестно. После отбытия наказания осталась только одежда, а судьба их была нам неизвестна». (Мечислав Савицки)

Трудовой лагерь в Харькове объединял как демобилизованных солдат, так и заключенных после приговора. Обязателен там был 14-ти часовой рабочий день и нормы как в самых тяжелых лагерях.

«Песочный грунт слабо замерзший – 4 кубометра, грунт тяжелый и замерзший – 3 кубометра. За работу платили, высчитывая за питание и одежду, сколько зарабатывал – не знаю, ни разу не получал. Зимой 41-ого года просил выдать мне телогрейку. Не выдали, оказалось, что я даже должен за питание. За время с 10.10.41 г. до 10.11.41 г. лагерь прошел пешком от Харькова до Серафимовича (на Дону). В первых числах января 1942 г. я бежал.» (Марьян Крыштов)

Одно из наибольших скоплений лагерей, где работали только поляки, размещалось в Нижнем Тагиле. Среди других там был батальон, сформированный из двух тысяч поляков, группировавшихся в г. Орле. Сначала перевезли их в Просницы, в районе Кирова, затем в Н. Тагил.

Под Кировом работали на строительстве аэродрома с особо тяжелых условиях. Располагались прямо на земле, строили себе жилье из коры и ветвей. Сильный урон наносил голод. Имели место неудачные попытки побега, в том числе троих поляков, которых на показательном суде приговорили к расстрелу. В Н. Тагиле разбивали замерзшие кучи угля, цемента, песка, дерева, железного лома. «Здесь жили в землянках по 90 человек, спали на досках без всякой постели. Хотя мороз доходил до 50 градусов вместо сапог получили лыковые лапти, пища плохая, так что ребята ходили на помойку и собирали пищевые отбросы, рыбьи головы и этим питались». (Болеслав Емилиты)

По сообщениям, около 15% поляков в районе Н. Тагила умерло от истощения и отсутствия медицинской помощи, многие оказались в заключении из-за попыток побега, многие не выходили из землянок из-за обмороженных рук и ног. «И прикончили бы всех, если бы не польская комиссия, которая приехала туда в феврале 1942 г. и вытащила нас в армию.» (Эмиль Смолиньски).

В соответствии с другим сообщением, из батальона в 1000 человек осталась в живых только половина. В местности Лая (Лайя), в районе Свердловска, в исключительно плохих условиях на сильном морозе группа поляков, тоже привезенных из Орла, строила железнодорожные пути и электрическую сеть. Без нормальной одежды и обуви «выбрасывали человека на мороз и заставляли работать. Говорили, что симулянт, что не хочет работать, и так он замерзал на снегу, а когда замерзал, то все сдирали и голого закапывали» (Станислав Якуб).

В «исправительном рабочем лагере» в Ульяновске находились исключительно поляки, около 570. «Многие умерли и вывезены неизвестно куда, а четверо убиты во время побега. Товарищ, который бежал, в Войско Польское, был расстрелян в г. Ульяновске. Нам угрожали, что в случае побега, это ожидает каждого. После моего побега осталось еще 400 чел.» (Петр Зазула).

Поляков, находившихся 22 июня 1941 г. в 422-ом пехотном полку в Башкирской республике, в Белебее, даже послали на фронт, но еще до Харькова всех выходцев из оккупированных Советами районов, независимо от национальности, разоружили и двинули назад. Из укра-

инцев, немцев, поляков, татар сформировали рабочий батальон, который сначала работал на строительстве аэродрома под Свердловском, потом был переброшен на Уральский аллюминиевый завод. Мороз, голод, абсурдные нормы произвели опустошение в батальоне. «Люди начали массово гибнуть или опухать от голода. Многие сходили с ума, как лично мне знакомые Станислав Жураковски и Франтишек Мингдалевич, оба из Коломыи. Начались побеги. Пойманных сначала расстреливали, позже приговаривали к 10-летнему заключению. Несмотря ни на что бежали при первой же возможности. Считая, что нет другого пути избавиться от этого ада и придется зря погибнуть от голода, я подделал командировку и освобождение из рабочего батальона и сбежал в польскую точку в Челябинске» (Станислав Ямрош).

Во время пребывания в лагерях продолжали мучать допросами, проводили «следствия», выносили смертные приговоры. Таким способом мобилизованные поляки перемещались из батальонов в «нормальные» трудовые лагеря.

Ложные увольнения

По договору Майского-Сикорского, в процессе формирования Польских Вооруженных Сил, проблема поляков, призванных в Советскую Армию, возникла сразу. Генерал Андерс во время переговоров с генералом Панфиловым в августе 1941 года: «Могут ли быть возвращены поляки, находящиеся в Красной Армии?» Панфилов: «Считаю, что это возможно». Через два дня во время совещания смешанной комиссии по формированию Польской Армии на территории СССР: «Желая удовлетворить Польское правительство, руководство Красной Армии выполняет просьбу Польского правительства о добровольном переводе в Польскую Армию поляков, находящихся в частях Красной Армии» (6). Это обещание в действительности не было выполнено. Еще долго после соглашения об амнистии проводилась показная, лживая акция увольнения из стройбатальонов (7).

Проблема мобилизованных поляков была исключительно важной. Это был, по словам Андерса, «отличный солдатский материал», «наилучший молодняк». Несколько полных призывных лет, молодые люди, находящиеся, как тогда считали, в хорошем физическом состоянии. Сначала в штабе Польской Армии

не представляли, чем отличались разновидности «рабочих батальонов». Внимание было сконцентрировано на погибших офицерах и осужденных, находящихся в тяжелейших трудовых лагерях на севере. Возвращающиеся из лагерей для военно-пленных и из заключения приносили ужасные сведения о судьбах поляков. Из стройбатальонов вначале никто не прибывал. Только через некоторое время до штаба добрались первые беглецы, сообщившие ужасно тревожную информацию. Информация эта имела случайный, спонтанный характер. Невозможно было установить места пребывания поляков, сорентироваться в их численности и судьбах.

Вместо армии — за решетку

Из сообщения от ноября 1941 года: «Ничего не говорится об увольнении этих людей из Советской Армии. Невозможно установить дальнейшие планы и намерения советских властей относительно судьбы этих людей. Тормозятся и скрываются сведения о создании Польской Армии. Нажим в этом направлении доходит до того, что даже в разговоре невозможно упомянуть о своем желании перейти в Польскую Армию. Более активные люди, подавшие заявления или публично выразившие желание о переводе в Польскую Армию, привлекались к ответственности с направлением их дел в военные суды. (8) «В. О. С. Б.» 757 в Бензенчуке (под Куйбышевым) суд приговорил к 8-10 годам, а нескольких польских граждан к смерти: майора медицинской службы Борнфельда, подхорунжих Клейнмана, Гросса, Берковича и других. Неизвестно, кто какое наказание получил. Сажали их за попытки и желание перейти в Войско Польское. Все попали в заключение и судьба их неизвестна». (9)

Сообщения и доклады, поступающие в польское посольство в Куйбышеве и в штаб армии, позволили постепенно распознать драматичную ситуацию, оценить размеры явления. Информация и просьбы о помощи поступали от доверенных лиц, собиравших сведения в своем районе, с помощью писем, передаваемых добрыми людьми, записок, выбрасываемых во время перемещения батальонов, нескольких слов, которые кому-то удалось сказать с поезда, сведений от немногих беглецов. По этим данным в декабре 1941 года был составлен список, насчитывающий 61 лагерь. Отчет ин-

формационного отдела при польском посольстве в СССР в Куйбышеве от 1 апреля 1942 года включал уже 100 центров. Формально батальоны подчинялись Красной Армии, фактически в трудовых лагерях заправлял НКВД. Особые строительные батальоны (ОСБ), особые строительные колонны (ОСК), участки военного строительства (УСВ), трудовые фронты обозначались номерами. Иерархические отношения между этими подразделениями были неясными. В стройбатальонах насчитывалось около 1000 человек, иногда значительно больше. В колоннах — несколько сотен, в участках — по разному, так же как и в появившихся позже трудовых фронтах. (10) На основании скучных данных польского посольства, в 100 лагерях, о которых удалось что-то узнать, насчитывалось «не менее 10000 человек, может быть, значительно больше». Представительство из района Свердловска информирует посольство в Куйбышеве в конце мая 1942 года, что «по неполным данным, в их районе находится 38 военных трудовых лагерей с 6000 человек». (12)

Проблема мобилизованных поляков становится горячее еще и по другой причине. На стыке 1941-1942 годов стало ясно, что лживые декларации Советов делались для того, чтобы тянуть время, избегая переговоров на невыгодную тему. В это время кампания принудительного призыва поляков в Советскую Армию продолжалась. Призывали даже людей, освобожденных «по амнистии». У польских граждан, освобожденных из тюрем, трудовых лагерей, ссылок, отнимали документы — «удостоверения» (справки о польском гражданстве) и призывали их в Красную Армию. В связи с этим в посольство и в штаб армии поступали сотни сообщений, жалоб, просьб о вмешательстве. К началу апреля 1942 года Советское правительство издало приказ о призывае в стройбатальоны всех ученых польских граждан. Генерал Воликовски, военный атташе польского посольства, сообщил генералу Андерсу: «Яковицки из Кирова подтвердил предыдущее сообщение о призывае в стройбатальоны призывников польской национальности с изъятием удостоверений об амнистии. Военкомат в Кирове разъяснил, что включение поляков в стройбатальоны имеет целью облегчение их передачи в дальнейшем организованным способом в Войско Польское, что является очевидной уловкой. Без доку-

ментов о польском гражданстве невозможно будет их найти. Имеются аналогичные сообщения, подтвержденные документально, из саратовского округа. Ясно, что это повсеместное явление». (13) Использовались еще более простые методы: «В последнее время в шести регионах, в разных военных округах, отмечено изъятие милицией у наших граждан польских документов, так называемых «удостоверений»... в некоторых местах вместо отобранных выдают временные удостоверения личности, в которых нет упоминания о польском гражданстве, либо не выдают ничего. Затем призывники требуют на советскую комиссию». (14)

Ни справедливости, ни чести

Чуть позже, 18 марта 1942 года, непосредственно во время переговоров Андерса со Сталиным в Москве, Сталин дал очередное обещание перевести польских граждан из стройбатальонов и Красной Армии в польскую армию.

Андерс: «Прошу передать в польскую армию поляков из стройбатальонов и Красной Армии, в соответствии с обещаниями господина Президента.» Сталин: «Можем их отдать, но их нужно кормить, а у вас нет продуктов». Андерс: «Там есть отличный молодой солдатский материал. Самых сильных оставим у себя в числе 44000, а остальных эвакуируем». Сталин: (записывает) «Хорошо, отдадим их...» Андерс: «Господин Президент, позвольте подытожить нашу беседу.» (Сталин кивает)... Андерс: «В связи с эвакуацией и ограничением армии до 44000, набор не будет задерживаться и поляки из стройбатальонов и Советской Армии будут уволены и направлены в польскую армию.» Сталин: «Да.» (15)

Дипломатические ноты, письма, ссылки на договоренности – ничто не приносило успеха. 14 мая 1942 года нарком иностранных дел Молотов вручил послу Станиславу Коту ответную «персональную» ноту, в которой читаем: «Ссылка в Вашей ноте на то, что якобы Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин в разговоре с генералом Андерсоном подтвердил, что набор польских граждан в польские военные формирования будет продолжен, а польские граждане, находящиеся в Красной Армии будут переведены в польскую армию, а затем эвакуированы на Ближний Восток, основана на недораз-

умении. И. В. Сталин в беседе с генералом Андерсоном этих тем не касался... Что касается затронутого в ноте вопроса о случаях призыва польских граждан в ряды Красной Армии и «стройбатальоны» вместо отправки их в польскую армию, то считаю необходимым заявить, что к призыву в Красную Армию и «стройбатальоны» подлежат только советские граждане.» (16) Несколько месяцами позже во время обсуждения вопроса о поляках в советском обмундировании при встрече в британском посольстве Владислав Андерс сказал Черчиллю: «Не было в России ни справедливости, ни чувства чести, ни человека, на слово которого можно было бы положиться.» (17)

Акция сбора данных для реферата об интервенции, проводимая с осени 1941 года по апрель 1942 года, после обещания перевести поляков в польские вооруженные силы, была заметно заторможена. Совпало это с первой эвакуацией польских войск из СССР. Верили обещаниям Сталина и Панфилова, надеялись, что мобилизованные в Красную Армию поляки будут вывезены в следующий раз. Определенные надежды связывались с проводимой весной 1942 года советскими властями кампанией «увольнения» поляков из военных лагерей. Быстро выяснилось, что это было показное мероприятие. Уволенных отправляли на другие принудительные работы, они не освобождались от службы в Красной Армии. Большинство имело советские паспорта, или вообще было лишено каких-либо документов, им было запрещено переезжать, или требовалось являться в райвоенкоматы на другом месте. В этот период – весна и лето 1942 года – шла борьба за выезд из СССР максимального числа людей – гражданских и ранее согласованного числа в 96 тысяч солдат. Ситуация становилась все более и более напряженной. Второй этап эвакуации польских войск происходил в августе 1942 года. В это время слабая надежда вырвать поляков из Советской Армии окончательно исчезла. Эвакуация спасенных была катастрофой для сотен тысяч остающихся. Ликвидировались представительства, центры опеки и помощи, пункты сбора и передачи информации.

В процессе двух эвакуаций удалось вывезти из Советского Союза 114462 человека (в том числе 37272 штатских), что составило около 7 процентов из оценочной численности в 1,5-1,7

миллиона польских граждан. Из стройбатальонов и подразделений Красной Армии удалось освободить около 840 человек, не считая нескольких десятков неизвестных беглецов, точное число которых установить невозможно. (18)

После эвакуации войск в Пехлеви польское призывное учреждение было окончательно ликвидировано в ноябре 1942 года. Посольство в Куйбышеве функционировало до апреля 1943 года. Известно, что к моменту разрыва дипломатических отношений в СССР оставались несколько сотен тысяч польских граждан в лагерях, тюрьмах, местах ссылок, разных видах стройбатальонах, на поселении. Все надеялись вырваться из неволи, требовали помощи, но возможности вмешательства польских властей с каждым днем уменьшались. Советский процесс мобилизации продолжался. Освобожденные из лагерей попадали в стройбатальоны и трудфронты.

Принудительное гражданство

Посольство в Куйбышеве получало сотни писем с просьбами о помощи, подобных письму Яна Романюка, адвоката из Кржененецкого уезда от 23 ноября 1942 года:

«Как гражданин Польши, я был освобожден из лагеря в г. Норильске 6 сентября 1941 г. по амнистии..., по не зависящим от нас причинам ненадолго задержался в Кувандукском районе Чкаловской области, где был неожиданно мобилизован Медногорским райвоенкоматом в рабочие колонны в поселке Никитино. Напоминаю, что все мои личные документы и военное удостоверение были изъяты НКВД при аресте, удостоверение об освобождении из лагеря, как польского гражданина по амнистии, – отобрано Медногорским райвоенкоматом, который в возврате такового мне отказывает.» (19)

По данным посольства Польской Республики в Куйбышеве от октября 1942 года: «...Общее число польских граждан, насильно мобилизованных в РККА, составляет 320000 человек. Это число подтверждается числом призывных транспортов из отдельных уездов. Кроме того, эти расчеты подтверждают польские граждане, которые к весне с.г. оказались в т.н. строительных батальонах, рабочих батальонах вследствие выделения их из РККА, в основном из фронтовых частей, как ненадежного в

политическом смысле элемента.» (20)

В трудфронты сначала брали мужчин, затем молодежь обоих полов, а в конце стали мобилизовывать и женщин, зачастую матерей малолетних детей. За отказ подписать повестку сажали в тюрьму (срок до 6 лет), либо принудительно отправляли работать на шахты. Отказы идти на трудфронт были очень часты, приговоры выносились все чаще и на все больший срок. Зигмунд Срочинский в работе «Поляки в России» приводит данные по Актюбинской области с осени 1942 по апрель 1943 года. На 7971 поляков (мужчин, женщин и детей) число мобилизованных превышало 2000 человек. Процесс призыва на трудфронт сопровождался присвоением советского гражданства. В марте 1943 года поляки из района Актюбинска коллективно протестовали против отношения к себе, как к советским гражданам. Организованно, с пением патриотических песен, пришли к зданию НКВД с заявлением о том, что являются гражданами Польши. Было арестовано и посажено около 1000 человек. (21)

Бежать или нет?!

Вот отрывок из письма Галины Чухневич своей матери Янине. Письмо написано 14 ноября 1942 года из стройбатальона 5-го участка на станции Никельтан: «Любимая мама, спасибо за письмо и посылку. Очень много радости приносят мне ваши письма. Сделайте что-нибудь, чтобы я могла к вам вернуться. Сегодня воскресенье, говорят, что через несколько дней мы будем дома, но Бог их знает, что будет... Хлеба нет, дают по 400 грамм всем, хотя и норму выполняешь. Все хуже. Ох, хоть бы быстрее вернувшись. Напиши, что делать, бежать или нет? Обязательно напиши. У нас наступили холода. Так холодно, холодно. Что мы будем делать? Требуйте, а то погибнем. На отпуск и не надеюсь. Не хотят разговаривать с нами, только на работу гонят... Напиши, бежать или нет? А то в письме пишешь, что бежала... Целую крепко, Галия.»

Из письма Станиславы Пуделковой с просьбой к посольству о вмешательстве в судьбу завербованных на трудфронт одиноких матерей:

«Прошу как можно быстрее сообщить, как нам поступать в случае принуждения нас к выезду, ведь в списке лиц, помеченных к выезду, фигурируют 4 польки: у Янины Гер 3-летний

ребенок, у Чеславы Чаплинской – 6-летний, у Софии Белух – 11-летний, а Антонине Тобольской 49 лет.»

Из письма Богдана Брудка и Станислава Хаврота доверенному представителю в Мартку, 29 сентября 1942 года:

«Сегодня в наш поселок приехал заместитель председателя райисполкома и сказал, что поляки должны ехать, что подлежим обязательной мобилизации в СССР, так как наше правительство, по согласованию с СССР, приказали мобилизовывать поляков, что этот приказ имеется у Вас, и что на основании этого приказа многие поляки высланы Вами на работы... Если есть такое распоряжение и польские граждане должны ехать, они просят Вас помочь обувью, теплым бельем, одеждой. У Станиславы Хаврот совсем нет обуви и теплого пальто, Мария Брудка без обуви и белья, Агнешка Брудка без обуви, белья и теплого пальто, Ян Герчицки без обуви, белья, одежды и одеяла. Мошек Мондельцевейг без белья и одеяла.» (22)

Сколько их уцелело?

С армией Берлинга-Жимерского вернулось в Польшу около 35 тысяч человек, после войны из-за линии Керзона прибыли около 70 тысяч демобилизованных солдат. В сумме – 105 тысяч. Значительно труднее сосчитать число уволенных или бежавших из Советской Армии и вернувшихся за продвигавшейся на запад армией. Неизвестно также число тех, кто пройдя через Красную Армию и военные лагеря, вернулся во время депатриации поляков из СССР в 1945–1959 годах. Скорее всего, уцелевших в войсковых ГУЛАГах было немногим. Сколько из них дожило до конца второй Мировой войны? Что стало с выжившими? (23)

Следует помнить, что в число 105 тысяч уцелевших входит огромный процент из 80 тысяч поляков, призванных в Красную Армию в 1944–1945 годах с западных территорий Украины и Белоруссии из очередных призывных возрастов. Если, приблизительно, почти равны число демобилизованных после войны из Советской Армии (70 тысяч) и число мобилизованных на Украине и в Белоруссии (80 тысяч), а из армии Берлинга-Жимерского пришло 35 тысяч, то, в соответствии с данными Куйбышевского посольства (320 тысяч, октябрь 1942 г.), остается около 285 тысяч польских граждан, раньше приписанных к Красной Армии.

Это приближение не учитывает мобилизованных в различные трудовые батальоны и наборы в период, когда бюро информации из Куйбышева не действовало. В армию Берлинга попала лишь часть польских граждан, распыленных первоначально в формированиях Красной Армии, из наборов более позднего периода, частично те, кто не попал в армию генерала Андерса и кого мобилизовали на трудфронты в 1942–1943 годах.

Сколько следует прибавить к 320 тысячам из мобилизованных и направленных в трудовые лагеря между октябрём 1942 и 1944 годом? Если только в одной Актюбинской области из почти 8 тысяч в течение полугода было мобилизовано более 2 тысяч человек, а многие оказались в заключении, то имеем право утверждать, что это число в масштабах всей советской страны равно десяткам тысяч. Что с ними стало? Сколько попало в Польскую Народную Армию? Сколько из них погибло в походе на Берлин? Какого порядка эти числа?

Ответы на эти вопросы наверняка скрываются в советских архивах НКВД, в военных документах Советского Союза, частично в польских военных источниках. Из открывающихся сейчас свидетельств может быть еще удастся узнать правду.

Смотри, как Бог горит!

Сообщение Станислава Кеторакиса из стройбатальона в Нижнем Тагиле от 8 марта 1943 года.

«Коварно и насилино забрали меня русские в армию 11 ноября 1940 года, погрузили в вагон, двери и окна зарешетили, энкаведисты с автоматами охраняли, чтобы никто не сбежал. Безли нас 17 дней в глубь России, так, что человек не мог сориентироваться, в каком направлении везут, и 10 дней пить и есть абсолютно не давали, даже из вагона нельзя было выйти ни на шаг. Если кому было невтерпеж, то энкаведист отпускал двух человек на 3 метра от вагона, а сам вставал с автоматом над головами. В армии я был 8 месяцев в артиллерию в городе Краснодаре, полк назывался 302 КГАП. Пища была ужасной, постоянно рыба, и рыба гнилая, иногда каша на подсолнечном масле. Отношение в армии к полякам было грубым, только утром глаза откроешь, сразу услышишь: ты, польская морда! А еще сюда постоянно вплетали коммунизм, только им это не

очень удавалось, не было идиотов, чтобы слушать.

Однажды заметили, что я читал божественную книгу, тут бросились ко мне их офицеры, отняли у меня книгу и четки, которые я привез из Польши. И за это таскали меня энкаведисты: зачем это я имею, объясняли мне, что у них в Бога не верят, и я должен к ним приспособливаться, а я им ответил, что не приспособлюсь к ним. Со злости они эту книгу и четки порвали на моих глазах, бросили в печку и сказали: смотри, как твой Бог горит, а меня после этого как-то оставили в покое. Со временем вызвали меня к начальнику НКВД, и этот прицепился ко мне, что я, уходя в армию, оставил много военного оружия, чтобы отдал им. Но это им не удалось, потому что я вины не признал, а доказательств у них не было, и оставили меня в покое. Аж 20 июля 1941 года выехали на немецкий фронт под Киев, стояли в тылу, в резерве, через пару дней им что-то взбрело в голову, и всех поляков отозвали из армии, отняли одежду и отправили пешком в глубь России. Во время этого путешествия ни есть, ни воды вообще не давали, а если кто-то от голода не мог идти, энкаведист из автомата застрелил одного такого, я сам был свидетелем. Во время этого похода 15 поляков было расстреляно. В конце добрались мы до станции Прилуки, где нас погрузили в вагоны как скот — по 80 человек, закрыли решетки и энкаведисты с автоматами везли нас 15 дней. Есть давали раз в три дня. Завезли на Урал, в город Нижний Тагил. Там сделали из нас рабочие колонны. На работу гнали в 4 утра и до 10 вечера в 40-градусный мороз, вели под автоматами. Кормили очень плохо, 400 грамм хлеба и чай без сахара на завтрак, на обед поллитра мутной воды, это был суп, на ужин кусок гнилой рыбы. На работе нормы назначали невозможные, к тому же одежда была плохая, обуви не было, только тряпками ноги закручивали. А смерть и муки были на каждом шагу, так что многое поляков умерло. С мертвых срывали одежду и голых бросали в канаву.

Жильем был выкопанный в земле длинный ров, покрытый деревом и землей, отопления никакого не было. Жили так в этой рабочей колонне с августа 1941 до февраля 1942 года, когда однажды вечером Господь прислал к нам польских представителей, которые нас из этой

колонны вырвали и так закончилась эта беда.»

Остров смерти

Сообщение Яна Климовича из стройбатальона на острове Нарчин в Каспийском море, записанное Казимежем Галусинским 10 апреля 1943 года в английском лагере вблизи Басры на Персидском заливе.

Климович Ян, родился в 1919 году, римско-католической веры, по национальности поляк, проживал в деревне Велькавесь Свентянского уезда Виленской губернии. Окончил 4 класса начальной школы. Отец — крестьянин, имел 4 гектара земли.

Объявленный в газетах осенью 40-го года набор призывников 1917, 1918, 1919 годов рождения в Красную Армию жители восточных земель встретили с отчаянием.

Призывники уклонялись бы от службы по побегами, если бы не угроза советских властей вывезти в Сибирь семью дезертиров (был такой случай в соседней деревне).

Климович и три его товарища из Велькавеси 7 октября 1940 года получили повестки на призывную комиссию в «районе», которая Климовича и одного товарища признала годными, а двух забраковала.

Вскоре он получил приказ явиться 20 октября 1940 года на сборный пункт в городе Константинове. Было сказано взять с собой пищи на два дня и две пары белья.

Из Константинова группу около 500 польских граждан отправили в Вязьму. Двигались 5 дней. На советских станциях добавляли в группу советских призывников. Кормили «чаем» и хлебом.

В Вязьме разделили группу на части, отправили в разные места. Климовича с группой, в которой было 40 польских граждан, отправили на Кавказ. Через 6 дней пути (питание было чуть лучше) поезд встал на железнодорожной станции Маладжар под Баку, потому что комендант поезда, мертвеки пьяный, потерял документы и было неизвестно, куда отправлять транспорт. Остановка продолжалась два дня, после чего отвезли призывников в Баку и разместили в царских казармах вместе со 105 пехотным полком.

Климович оказался вместе с тремя товарищами из Свентянского уезда, (все они, как и Климович, служат сейчас в Войске Польском). То были: Виктор Кавяка и Казимеж Островски, направленные позже в пошивоч-

ную мастерскую, и Бронислав Руды, направленный в 105 пехотный полк. Климовича направили в конную разведку полка.

Вскоре после прибытия в казармы всех новобранцев погнали на занятия. Гоняли, по словам Климовича, так, что «солдат уходил весь мокрый». Через месяц принимали присягу. Офицер читал текст по книжке, солдаты должны были повторять. Климович не повторил, потому что не понимал по-русски. После прочтения текста каждый солдат подпись подтверждал, что принял присягу. Климовичу не позволили подписаться по-польски. Взятый за руку, поставил какие-то каракули, которые были ему чужды.

После присяги началась настоящая служба с караулами и усиленной дисциплиной, которую Климович называет «железной» и главной чертой которой является отсутствие свободы передвижения, шпионский надзор и суровая кара за малейшие отклонения. Чтобы пойти в уборную, нужно доложить и получить разрешение. Первым наказанием за первое мелкое нарушение (например, минутное опоздание на построение, выход из барака без разрешения) был дополнительный 24-часовой наряд вне очереди. Второе наказание уже устанавливало «товарищеский суд». (Судил, конечно, не весь полк, а группа из членов партии, а весь полк поднимал руки). Третья провинность шла уже под полевой суд, который назначал драконовское наказание. Например, за опоздание в пределах часа можно было получить несколько лет. Опоздание больше часа квалифицировалось уже как дезертирство с минимальным сроком 6 лет.

НКВД имело щупальца по всему полку. Климовича неоднократно вызывали на «беседы» с предложениями шпионить за товарищами. Когда через переписку узнали, что Климович был в Польше в Войске Польском, «беседы» превратились в допросы про ОЗОН, про Союз стрелков, в угрозы, усиленные битьем револьвером по лицу. Делал это заместитель начальника полкового НКВД.

Отношения с товарищами сначала были плохими. Полякам нельзя было разговаривать с русскими, а те, со своей стороны, очень интересовались сведениями из Польши (Били вас в Польше? Мучили?). Рассказы о том, какой была жизнь в Польше на самом деле, вызывали сначала недоверие, потом сильное удивление. Понемногу отно-

шения с рядовыми русскими наладились, что усилило, однако, надзор со стороны чинов. Эти с самого начала считали поляков врагами, выражая зачастую это отношение на практике.

Служившие в полку нерусские к полякам были доброжелательны, — сами чувствовали себя в армии плохо. Армяне бежали в Турцию, туркмены — в Иран.

Отношение местных жителей к армии было враждебным. Часто русский солдат, заблудившись в пригороде, исчезал.

Снабжение и условия жизни были терпимыми: кровать, матрац, простыня, смена белья через 10 дней.

Питание недостаточное. «Солдат съят никогда не был». Утром гороховая каша и кружка «чая», в обед суп и каша. Вечером селедка и «чай», либо каша и «чай». Хлеба 750 грамм.

24 июля 1941 года собирали всех польских граждан 105 пехотного полка, отобрали ремни, сапоги, гимнастерки и выдали равнную одежду, после чего вывезли всех на судне на остров Нарчин в Каспийском море. Вывезенные называли рабочим батальоном, а в действительности они были заключенными. Батальон насчитывал сначала 1000 человек, вскоре неполяков стали отправлять в иные, неизвестные Климовичу места, и в конце осталось на острове только 200 польских граждан, из них около 100 коренных поляков.

Работа заключалась в строительстве трех наземных бетонных укрытий (одно для боеприпасов, второе для склада, третье для личного состава. Размеры одного 16x16 метров, двух 8x8 метров, все глубиной 8 метров) и четырех площадок для зенитной артиллерии.

Во всех этих ямах на глубине около 70 сантиметров работавшие докапывались до пластов из человеческих тел (подчеркнуто записавшим сообщение). Можно было распознать военную форму, офицерские ремни, красноармейские пуговицы. В котловане, в котором работал Климович, пласт состоял как минимум из 200 трупов. «Ходить было мягко, как по болоту». Приказано было засыпать трупы песком и залить бетоном, а работу перенести в другое место. Охрана объяснила, что «в той войне были большие бои с англичанами».

Климович наткнулся однажды на два голых высохших трупа, придерживаемых скалой в стоячем положении. На одном были следы выстрела в висок, на другом — в грудь.

Часть работающих жила в не-

большом бараке, остальные — в палатах на голой земле.

Отношения — как в лагере, дисциплина неумолимая. Однажды во время шторма сержант из охраны разрешил семи полякам, работавшим под его надзором, прекратить работу и спрятаться за скалу. За это его отдали под суд. Вывезенный на суд с острова, он был, как объявили, приговорен к смерти.

Питание: 250 грамм сухарей (хлеба и не видели) и три раза в день суп как вода. Заболеваемость росла угрожающе, особенно дизентерии. Климович также болел дизентерией, и лежал под скалой у моря, «ожидал Божьей милости», как все больные, ибо медицинской помощи не было совсем.

Зимой 1941-1942 года истощение и отчаяние привели к тому, что среди заключенных стали наблюдаваться случаи самоубийств. Например, украинец Шапайда, польский гражданин из Тарнопольского уезда, больной, признанный симулянтом, совершил самоубийство, утопившись в море. Невыносимый труд, недостаточное питание, несчастные случаи и самоубийства привели к смерти 50 человек. Когда покидали остров, из 200 польских граждан оставалось 150. Климович уверен, что все распрашивались бы с жизнью, если бы по дальше оставались на «острове смерти».

В начале февраля 1942 года несчастные были спасены приказом перевезти определенное число приговоренных с острова Нарчин на остров Пешган в Каспийском море, где условия труда, надзор и издевательства не изменились (из барака можно было выйти только на работу), но улучшилось питание. Впервые за 6 месяцев вместо сухарей появился хлеб — 500 грамм в день.

На этом острове было 120 польских граждан, в том числе 15 коренных поляков.

Строили укрытия, как и на предыдущем острове. Только здесь не было камня, его привозили на судах, потом заключенных тачками транспортировали его на место работ.

В середине марта 1942 года наступили дальнейшие изменения в составе заключенных. Пришли новые транспорты, а из старого состава выделили 45 «рабочих», в том числе Климовича и еще несколько польских граждан, которых перевезли в Баку для работы на заводе, изготавливающем металлические заготовки для строительства укреплений.

Здесь им было назначено воз-

награждение за работу, но ни разу ни копейки не заплатили. Питание было плохое, но время от времени группы, посыпаемые в порт на перегрузку консервов, возвращались с «богатой добычей», которая после братского раздела утоляла голод.

В июле 1942 года был сформирован транспорт из 170 польских граждан, бывших солдат Красной Армии, в том числе 37 коренных поляков, и перевезен на турецкую границу. Здесь Климович увидел большую концентрацию советских войск всех родов оружия, находящихся в постоянной боевой готовности. Была уверенность, что в любой момент может начаться турецкое наступление. Со стороны границы был слышен частый обмен выстрелами, особенно ночью и днем при смене постов. Пало при этом много советских военнослужащих: на отрезке, где находился Климович, погибли от одного турецкого залпа во время обхода границы майор, капитан и три солдата. Работа заключалась в строительстве бетонных гнезд для пулеметных точек, площадок для орудий, противотанковых и противопехотных укреплений.

Жили в бараках в одном километре от границы. Питание составляли 700 грамм хлеба и три раза в день суп.

Здесь впервые выдали вознаграждение за труд. Было объявлено, что платить будут в соответствии с выполненной работой, но платили так произвольно, что никто не мог сориентироваться, кто сколько и почему так мало получил. Тратили на содержание, налоги и различные «добровольные» взносы.

С приездом на границу дошли до поляков повторные вести (первые туманные — в Баку) о формировании польской армии на территории СССР. Были возобновлены усилия, начатые в Баку, по увольнению и отсылке в польскую армию, однако снова безрезультатно. Потеряв терпение, послали четырех товарищем в военкомат (сбежали тайно из барака). Их принял энкаведист в высоком звании, который, выслушав их, впал в великий гнев, что поляков(!) допустили к опасному участку турецкой границы. После обмена мнениями по этому вопросу между военными и НКВД неожиданно последовало увольнение всех 37 коренных поляков. Польские граждане еврейской, украинской, белорусской национальностей уволены не были.

Среди этих тридцати семи были трое поляков советского граж-

данства, которым раньше удалось встать на учет как польским гражданам. Это были: Антоний Шибловски из Минска, плохо говоривший по-польски, Владислав Грабовски из Одессы, который, примкнув к полякам, совсем не знал языка, но быстро выучил, потому что не позволяя товарищам разговаривать с собой иначе, чем по-польски, и Зельский из Одессы, тоже слабый в языке. Эти трое вместе с другими поляками прибыли войсковым транспортом из-под турецкой границы через Тбилиси в Баку, а оттуда морем в Красноводск, где впервые увидели польских солдат. Отсюда их отослали в Гузар.

Климович на момент дачи этих показаний служил во второй батарее Седьмой Польской Армии Людовой в гарнизоне Киркука.

На острове Ульф был поляк Стефан Кезун из окрестностей Кимилишека (40 километров от Свентян), взятый в Красную Армию вместе с Климовичем. НКВД забрал его с этого острова, и после этого следы его затерялись.

Кроме приведенных имен, имена других товарищих, служивших с ним в Красной Армии и в рабочих батальонах, Климович не припоминает, что объясняет ужасными условиями и озверением жизни на этих островах («мы не пользовались именами, потому что не были людьми») и голоданием мозга, который «перестал запоминать».

Примечания

1. «Восточные земли Польши под советской оккупацией» Лондон, сентябрь 1943, отпечатано на стеклографе. Министерство информации и документации Collection, Box 231, F.4 и «Депортация населения с польских территорий, оккупированных СССР» Лондон, октябрь 1943, отпечатано на стеклографе.

2. Бюро документации Польских вооруженных сил разработало эти данные на основе приблизительного числа призывников одного года. Принято, что один призывной год давал около 70 тысяч человек. В Красную Армию призвали полностью 1917, 1918, 1919 и частично 1920, 1921, 1922 года рождения. Призывные комиссии вносили в списки рекрутов около 80 процентов призванных, зачастую независимо от состояния здоровья. Эти данные сравнивались с транспортами, отбывающими из отдельных районов.

3. «Депортация населения с польских территорий, оккупиро-

ванных СССР» Лондон, октябрь 1943. Министерство информации и документации Collection, Box 231, F.4. Не встретила никаких данных, касающихся направления молодежи 1923-1925 годов рождения в школьные лагеря принудительного труда. Повидимому, они остаются за пределами 210 тысяч мобилизованных в 1939-1941 годах.

4. Извлечение из сводки Министерства информации и документации Collection. Box 85, F.4.

5. Мечислав Савицки бежал из лагеря в Кагане 17 мая 1942 года.

6. Извлечение из протоколов. Посольство СССР Collection, Box 18, F.105

7. Из некоторых батальонов увольняли отдельных солдат, исключительно польской национальности. Попытки перехода в польскую армию заканчивались чаще всего арестом солдата как «врага Советского Союза». «Поляки в Советском Союзе», отпечатано на стеклографе, стр. 24. Министерство информации и документации Collection. Box 37, F.2. «Стройбатальоны»

9. Из рапорта бригадного генерала Воликовского, военного атташе при посольстве Республики Польша в Куйбышеве, 15 марта 1942 года. Anders Collection. Box 76, док. N1259

10. Стройбатальоны, машинопись. Посольство СССР Collection. Box 10, F. «Стройбатальоны».

11. Стройбатальоны.

12. Anders Collection. Box 76, док. N 1259 Посольство СССР Collection. Box 10, Общий отчет Отдела интервенции, Box 18, F.104.

Примеры данных от весны 1942 года: в Куйбышевской области, в 743 ОСВ в Волгаре (Кряж) работало около 1500 польских граждан, среди них много евреев и украинцев; в 757 ОСВ в Безенчуке – около 900 польских граждан; в Ульяновской области в 816 ОСВ Ульяновск – около 1100; на строительстве железной дороги Киров-Горький – около 300; в Котельниках под Кировом – около 10 тысяч; в Суслонгере Казанской области – около 1000; в Киме, около Сороки – 500; в лагере Тобольска (Иртыш) – около 200; на Ниловой Пустыни (остров на озере Селигер) в Калининской области было около 6000 полицейских; несколько тысяч вблизи Орджоникидзе; около 1000 в районе Борисоглебска.

13. Телеграмма генерала Воликовского генералу Андерсу и

генералу Богушу датирована 8 апреля 1942 года. Посольство СССР Collection. Box 37, F. 2 «Стройбатальоны».

14. Из письма генерала Воликовского начальнику штаба Войска Польского в Лондоне, 11 апреля 1942 года. Посольство СССР Collection. Box 18, F. 104.

15. Фрагменты протокола переговоров в Кремле. С польской стороны, кроме Андерса, был полковник Окулицкий, который вел протокол, с советской стороны, кроме Сталина – Молотов. Посольство СССР Collection. Box 18, F. 104.

16. Протокол переговоров в британском посольстве в Каире, 22 августа 1942 года, F. 105.

17. Материалы куйбышевского посольства говорят о числе около 500 лиц, призванных ранее в Красную Армию, которые вышли с армией генерала Андерса. В. Побур-Малиновский дает цифру 840. «Новейшая политическая история Польши». Лондон, 1981 год, т. 3, стр. 228.

18. З.В. Срочински, «Поляки в России», машинопись 1943 г. Посольство СССР Collection. Box 45.

19. Набор польских граждан в Красную Армию в Польше, оккупированной СССР. Машинопись, октябрь 1942 года, Министерство информации и документации Collection. Box 85, F.4.

20. З.В. Срочински, «Поляки в России».

21. Отрывки из писем и записок – см. 19.

22. Сведения, касающиеся возвращающихся с армией Берлинга, спорны. Советские источники говорят о 20 тысячах, польские эмигрантские источники – о 35 тысячах (см. Ю. Седлицки «Судьбы поляков в СССР в 1939-1986 годах» Лондон, 1988). Сведения из источников о числе польских граждан, призванных в советскую армию после 17 сентября 1939 года также спорны и исключительно неясны. Это отчетливо показывают статистические сравнения Юлиана Седлицкого («Судьбы поляков в СССР в 1939-1986 годах»). Многие исследователи в работах, касающихся численности поляков, оставшихся и погибших в СССР, не уточняют эту группу жертв. Там, где данные приводятся, иногда они касаются польских граждан, иногда – коренных поляков.

по материалам польского журнала «Karta»

Перевод Владимира ДЫЛЕВСКОГО

Борис КУЯВА:

«На их месте мог быть и я...»

Почти полвека хранил в своем домашнем архиве житель западногерманского города Мюнстера Борис Куява несколько фотографий советских офицеров и простых русских женщин.

Эти снимки он, солдат вермахта, подобрал на поле боя в 1944-1945 годах. И сохранил,

понимая, что война когда-нибудь закончится, и в далеких российских городах и селах будут страдать женщины, ничего не знающие о судьбе дорогих людей. Борис Куява очень надеется, что эти скучные сведения о погибших солдатах помогут кому-то обрести душевный покой.

В 1944 году я, 19-летний солдат, служил в вермахте в качестве кавалериста-связиста. Несмотря на молодость, вдоволь успел нахлебаться военных «прелестей» и начал задумываться о происходящем. Осенью, недалеко от польского города Остроленка, немецкая батарея зенитной артиллерии вела ожесточенный обстрел русской эскадрильи, пытавшейся прорваться на запад. Я был направлен на батарею со срочным приказом. Звено советских штурмовиков ИЛ-2 вновь атаковало подразделение. Напоровшись на шквальный огонь, три самолета развернулись обратно. Неожиданно в тыл батареи зашел четвертый ИЛ на бреющем полете и открыл прицельную стрельбу. Началось замешательство, поднялся крик.

Артиллеристы еле успели развернуть одно орудие и принялись палить почти наугад. И, как бывает в таких странных случаях, попали. Машина рассыпалась по полю на сотни частей. Погибшие летчики лежали совсем рядом. От удара бензин выплеснулся, и куртки пилотов заполыхали. Я с несколькими артиллеристами быстро сбил пламя землей. Поскольку я немного читал по-русски, офицер приказал мне забрать личные вещи погибших и сделать для штаба перевод обнаруженных документов — там могла быть важная военная информация. Пока я делал перевод, вернулось звено Илов и принялось кружить над местом катастрофы. Совсем как орлы над темлом подстреленного сородича, — подумал я тогда. Вскоре их отогнали плотным орудийным огнем.

Кроме удостоверений, которые вместе с переводом были отправлены в штаб, я нашел у летчиков несколько слегка опаленных фотографий. Прекрасные женские лица смотрели на меня со снимков. Мне стало невыразимо жалко этих женщин, которые никогда не узнают, где погибли их любимые. Я уже забыл о том, что всего лишь несколько минут назад сам мог стать жертвой этого налета — передо мной была человеческая драма...

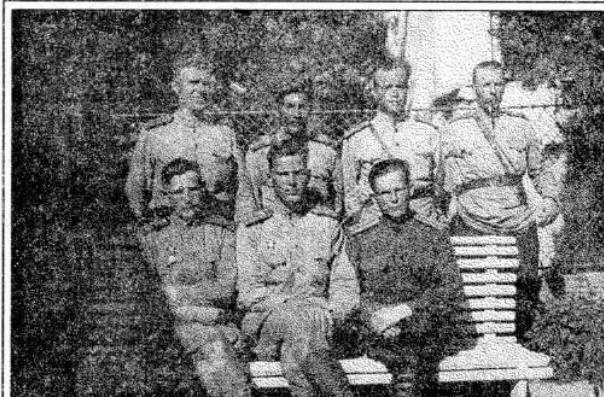
Рядом с лежащими летчиками я принялся копать две могилы. Артиллеристы поначалу недоуменно наблюдали за происходящим, затем двое-трое взялись за лопаты. Скоро могилы были готовы. Я устроил холмики, стороны прикрыл дерном. Погибшие были русскими, значит негоже их хоронить под католическими крестами. Я имел представление о православных намогильных крестах и, изрядно поизвившись, изготовил их. На кусочках картона написал фамилии погибших, на соседнем поле нарывал два букетика грустных желтых цветов. Ведь на месте этих парней мог быть и я...

Недалеко от города Zamoly, в Венгрии, в январе 1945 года, мы попали в серьезную переделку. Более суток шел ожесточенный бой. Ранним вечером мы ползком перебирались к недалекому лесу через поле. В неглубокой воронке лежали русские артиллеристы-наблюдатели — старший лейтенант и солдат-телефонист. Похоже, они погибли совсем недавно. На гимнастерке офицера был орден Отечественной войны II степени. Его документы я взял для перевода, а фотографию оставил себе. Вскоре начался обстрел, и я не мог похоронить этих людей — необходимо было двигаться дальше...

Эти фотографии я хранил много лет. Несколько раз я хотел передать снимки в Советский Союз, но, наслушавшись историй о бездушиности тамошних чиновников, отказался от этой затеи. Ведь я хотел помочь конкретным людям, а чиновники эти снимки могли попросту бросить в ящик канцелярского стола.

Недавно я узнал о работе общества «Мемориал» и журнала «Карта», и с радостью передаю материалы вам. Очень надеюсь, что еще возможно найти родных и близких погибших солдат. И хочу попросить вот о чем: если розыски будут успешными, сообщите, пожалуйста, мне об этом...

Мюнстер

Боевые товарищи Петра Слододенко. Фотография найдена у сбитого самолета. Осень 1944 г.

Подполковник
ПЕТР СЛОДОДЕНКО,
летчик ИЛ-2, сбитого
под Остроленкой
(Польша). Осень 1944 г.

«На память брату Пети от
сестры Нади
4/VII-41»

«В знак нашей дружбы Пети
от Полины
29/I-44год»

«Если встретиться нам не придется...»

«От Ани Вани.
Если встретиться нам
не придется.
Если так не постигнит судьба.
Пусть на память тебе остается,
неподвижная личность моя.
г. Муром
17./V-44 г.»

Иван ?,
старший сержант,
стрелок-радист(?)
самолета ИЛ-2,
сбитого осенью
1944 года под
польским городом
Остроленка.

«Ване от Маруси.
г. Ферганы 1944 г.»

«Если хочешь любить, то люби,
но не любовью XX века, полюби
не черты молодого лица, полюби
самого человека.
Ванечке от Гали.
Муром 1/II-44 г.»

Герман КРАУЗЕ

Пятилетка в советском плену

Сегодня я часто вспоминаю годы своей молодости, особенно, когда мы собираемся с друзьями в нашем нинбергском союзе "Родина". Нас объединяет очень многое - годы в российском плену.

Недавние публикации в немецкой прессе вызвали из памяти яркие воспоминания о почти пятилетнем пребывании в различных рязанских лагерях НКВД.

Рязань, город на Оке, никогда во время войны не находился в центре общественного внимания, как, например, Орел, Харьков или Сталинград, потому что немецкие войска до него не дошли.

Недавно я посетилотоввыставку о Рязани в мюнхенской сберегательной кассе: плохие дороги, забитые водостоки, осыпающаяся штукатурка домов - все это я видел еще 45 лет назад, будучи военнопленным. Морозы в Рязани начинаются порой в начале октября, а последний лед мы, военнопленные, кололи перед всемирным праздником 1 мая. Шесть месяцев крепких морозов - очень долгое время.

Теперь о лагерях в Рязани и вокруг нее. Громадный основной лагерь находился в двух километрах от центра, на выезде из города и имел номер 454 (ныне - ИТК в пос. Ворошиловка - РЕД.) К нему относились еще более двадцати подчиненных лагерей, расположенных в Рязанской области. Названия некоторых я запомнил: Сельмах, Агроном, лесной лагерь Назаровка, Мирмино и другие. (См. справку "Карты" - РЕД.)

Большинство военнопленных состояло из солдат разгромленной в 1944 году "Центральной группировки". Русские называли их "старыми пленными" в отличие от "капитуляционных пленных". Число военнопленных в основном лагере Рязани колебалось между 8 и 10 тысячами человек. В нем находились представители всех наций, вынужденных воевать за Гитлера.

Тот, кто пережил плен только в основном лагере, мог считать, что ему крупно повезло. Русские давали немецкому руководству лагеря относительную свободу действий. В основном лагере была своя пекарня, сапожная и пошивочная мастерские, кухня, лазарет, операционный барак. Я сам был прооперирован там. Кроме того, существовала группа из самостоятельных актеров и лагерный оркестр. Продовольственное снабжение соответствовало единым нормам, установленным для пленных. В основном лагере Рязани, по крайней мере, было ощущение, что эти правила снабжения выполняются.

Совсем по-другому было в подчиненных лагерях, особенно в лесных. Там командовали отбывающие наказание функционеры, офицеры и чиновники. Вместе с военнопленными за колючей проволокой находились освобожденные из немецкого плена красноармейцы, партизаны из Восточной Европы, репатрианты.

Процветала утка и спекуляция продовольствием. Из трехсот пленных основного лагеря, посланных в лесной лагерь Назаровка, среди которых находился и я, назад вернулись только 150 абсолютно больных людей. Остальные умерли, их зарывали в землю, зачастую не фиксируя даже имен. В поисковой службе Немецкого Красного Креста имеются длинные списки пропавших без вести в Рязани.

Бывшие военнопленные из рязанских лагерей, их в Федеративной Республике около 500 - объединились в "Лагерное сообщество" и раз в два года

проводят встречи. Понятно, что этих людей с каждым годом становится все меньше.

В качестве благодарности Всевышнему за свое возвращение из плена и как напоминание, они установили табличку с названием их лагеря "Рязань" в крипте мемориальной церкви в Бохум-Ветмаре.

Я спросил переводчицу одной из рязанских делегаций, побывавших в Мюнхене, не знает ли она, случайно, моего старого лагерного "начальника" Леонида Крупникова из Рязани. Она обрадованно подтвердила, что знает, и сказала, что Крупников сейчас уже очень старый...

Перевод с немецкого Олега Шубина.
Мюнхен

Справка «Карты»:

Дислокация лагерей лагуправления N 454 НКВД по делам военнопленных и интернированных (Рязанская область России):

лагеря 1,2,8 - Рязань, район "Канищевские высокогорные", территория строящегося завода расточных станков;

лагерь 3 - Рязанская область, станция Криуша;
лагерь 4 - Рязань, в двух километрах от станции Дягилево;

лагерь 5 - Рязань, территория завода сельхозмашиностроения ("Сельмаш");

лагерь 6 - Рязанская область, станция Курша;

лагерь 7 - Рязанская область, станция Назаровка;

лагерь 9 - Рязанская область, станция Свеженская;

лагерь 10 - Рязанская область, станция Старожилово;

лагерь 11 - Рязанская область, село Мурмино, суконная фабрика;

лагерь 12 - Рязанская область, станция Известь.

Национальный состав: немцы, австрийцы, чехи, словаки, румыны, венгры, поляки, итальянцы, русские, украинцы, литовцы.

Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Fotodokumente zu helfen. Unsere Adresse ist: 390000, Russland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.

Fuer die Leser, die eine Moeglichkeit hatten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Коммунистическая партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

N Ст-132/11с

Выписка из протокола N 192 парама-
граф 11с заседания Секретариата
ЦК от 5.1.1966 г.

Записка т.т. Семичастного и Руден-
ко от 23.XII.1965 г. N 2843с.

Согласиться с предложением Про-
куратуры СССР и РСФСР при Сове-
те Министров СССР о проведении
открытого судебного процесса по
делу Синявского А.Д. и Даниэля Ю.М.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т.т. Руденко, Семичастному.

Силинью — 28.1.66 г.

Подлежит возврату в ЦК КПСС (Об-
щий отдел. II сектор) через 7 дней
со дня получения (Пост. ЦК от
29.XII.1968 г., пр. N 96/35)

Секретно
ЦК КПСС

В дополнение к N 2138-с от 17 сен-
тября 1965 года

Докладываем, что предварительное
следствие по делу на СИНЯВСКОГО А.Д. и
ДАНИЭЛЯ Ю.М., обвиняющихся в совер-
шении преступления, предусмотренного
ст. 70 ч.1 УК РСФСР, в ближайшее время
(до 10-15 января 1966 года) Комитетом гос-
безопасности будет закончено.

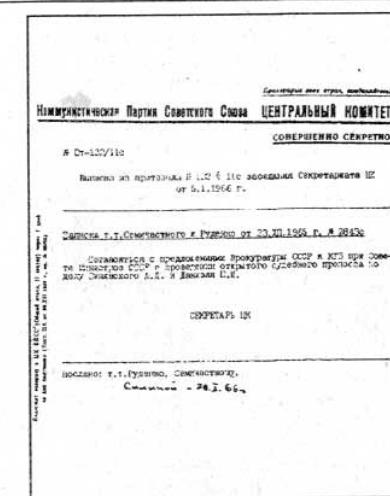
Расследование установило, что СИНЯВ-
СКИЙ и ДАНИЭЛЬ в период 1956-1963 г.г.
под псевдонимами Абрам ТЕРЦ и Николай
АРЖАК написали и по нелегальному канала-
лу передали за границу ряд произведений
антисоветского клеветнического содержания,
порочащих советский государствен-
ный и общественный строй.

К таким произведениям относится по-
весть АРЖАКА «Говорит Москва», которая
представляет собой злобный пасквиль на
нашу действительность. Советский Союз в
этом произведении показан как огромный
концентрационный лагерь, где народ по-
давлен, запуган, озлоблен. По мысли автора,
он так обработан «психологически», что
слепо подчиняется всяческому разнудан-
ному произволу властей, помогает им про-
водить в жизнь самые дикие мероприятия,
отbrasывающие страну чуть ли не к перво-
бытному состоянию.

События развертываются вокруг чудо-
вищного авторского вымысла о том, что
будто бы указом Верховного Совета СССР
от 1960 года воскресенье, 10 августа, объяв-
ляется «Днем открытых убийств». Указ
этот, с издевкой утверждает автор, являет-
ся логическим продолжением начавшегося
процесса демократизации страны, ... неиз-
бежной мерой легализации убийств, кото-
рая лежит в самой сути учения о социализ-
ме.

Рассказы ТЕРЦА, собранные в сборник
под названием «Фантастические повести»,
пронизаны чуждой нам моралью, клеветой
на советских людей, на систему социализма,
на нашу действительность. Автор этого
произведения клевещет на советский об-
раз жизни, делает попытку убедить читателя
в том, что советское общество — это ис-
кусственная система, навязанная народу,
который не верит ни в социализм, ни в мар-
ксизм, держится на страхе и боязни.

В повести «Суд идет» подвергается ос-
меянию советское общество, люди, исто-
рия, мораль, культура, теоретические положе-

Титул документа ЦК КПСС.
ЦХСД Р3625, Ф. 4, Оп. 18, Д. 954

Юлий Даниэль. В заключении.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. ДАНИЭЛЯ

«Я твой окоп, Добро...»

жения марксизма-ленинизма. И хотя это поддается под видом критики культа личности Сталина, повесть проникнута неприкрытым злобой и ненавистью ко всему советскому. В одном из эпизодов автор, рассказывая якобы о существующей подпольной студенческой организации, ставившей целью «спасти идеалы революции», призывает, по существу, к борьбе «за настоящую советскую власть».

В злобно-издевательском тоне по отношению к самым дорогим для нашего революционного народа идеям и делам по коммунистическому переустройству жизни, национализму и повесть «Любимов» ТЕРЦА.

Как показывают обвиняемые, названные выше произведения нелегально были переведены ими за границу через ЗАМОЙСКУЮ-ПЕЛЬТЬЕ Элен — dochь бывшего военно-морского атташе в Москве и широко публиковались в США, Англии, Франции, Италии, ФРГ различными буржуазными издательствами и враждебной эмигрантской прессой. СИНЯВСКИЙ и ДАНИЭЛЬ западной прессой возводятся в ранг самых гениальных и талантливых писателей так называемого «советского литературного подполья», а их произведениям создается крикливая антисоветская реклама. Они широко используются идеологическими центрами противника в антисоветской, антикоммунистической обработке общественного мнения стран Запада, в распространении так называемой «правды об СССР», в дискредитации советского народа и его достижений, а также с враждебным умыслом за-
сылаются в нашу страну.

Известный на Западе «специалист по русской литературе» Марк СЛОНИМ в книге «Советская русская литература. Писатели и проблемы», вышедшей в Нью-Йорке в 1964 году, пишет, что Абрам ТЕРЦ является «самым выдающимся представителем советской подпольной литературы». «Все советское общество, — продолжает он, — рисуется автором как сумашедший дом, в

котором невероятное принимается за норму».

В связи с выходом из печати повести ТЕРЦА «Любимов» автор многих антисоветских пасквилей белоэмигрант ФИЛИППОВ пишет: «...История заштатного города Любимова — это в капле воды история всего необъятного коммунистического мира, в первую очередь — коммунистического СССР».

Само появление таких произведений, как «Говорит Москва» АРЖАКА, «Суд идет» и «Гололедица» ТЕРЦА, говорится в предисловии к одному из изданий «Говорит Москва», показывает — как бунтует, как протестует свободная человеческая личность против превращения ее в простой винтик советского механизма... противящаяся превращению себя в механизм для международных целей коммунизма.

«Труды» СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ по изготовлению клеветнических антисоветских произведений щедро оплачены иностранными издательствами. СИНЯВСКИЙ заявил, что во Франции от гонораров за произведения, опубликованные под псевдонимом Абрам ТЕРЦ, у него скопились значительные суммы франков.

На предварительном следствии СИНЯВСКИЙ и ДАНИЭЛЬ признали свое авторство в написании названных выше произведений и нелегальную переправку их за границу через ЗАМОЙСКУЮ-ПЕЛЬТЬЕ, а также факты распространения этих произведений среди своего окружения в Москве. Наряду с этим оба отрицают антисоветскую направленность своих произведений и наличие умысла на подрыв или ослабление советской власти. Деятельность по нелегальной переправке произведений на Запад СИНЯВСКИЙ и ДАНИЭЛЬ объясняют желанием увидеть их опубликованными. В то же время по вопросу опубликования этих произведений в Советском Союзе они ни к кому не обращались.

Преступная деятельность СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ находит подтверждение в

выводах лексико-стилистической экспертизы, установившей их авторство в написании произведений «Любимов», «Говорит Москва» и др., в заключении Главного управления по охране военных и государственных тайн Комитета по печати при Совете Министров СССР об идеиной направленности этих произведений и в показаниях свидетелей РЕМИЗОВА, ГАРБУЗЕНКО, ХАЗАНОВА, ДОКУКИНОЙ и др.

Так, установленный в ходе следствия еще один автор, публиковавшийся за границей под псевдонимом И. ИВАНОВ, кандидат филологических наук РЕМИЗОВ А.А. на допросе в качестве свидетеля показал, что на путь написания антисоветских произведений он стал в результате «сознательного непротивия в течение многих лет политики коммунистической партии в области идеологии».

Далее РЕМИЗОВ пояснил: «Постепенно становилось ясным, что я вполне созревший кандидат в тюрьму. А чтобы из кандидата не превратиться в депутата, я, естественно, прибегал к различным формам мимикрии. Не сомневаюсь, что то же самое происходило и с СИНЯВСКИМ».

РЕМИЗОВ также показал, что ему известно о написании СИНЯВСКИМ произведений под псевдонимом Абрам ТЕРЦ, с которыми он ознакомился, и, в свою очередь, давал читать СИНЯВСКОМУ свои клеветнические произведения. Материалы на РЕМИЗОВА выделены в отдельное производство, и вопрос о привлечении его к уголовной ответственности будет решен после окончания следствия по делу СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

С согласия Секретариата ЦК КПСС Комитет госбезопасности совместно с Отделом культуры ЦК информирует писательскую общественность Москвы и Ленинграда, руководителей и членов партийных бюро Института мировой культуры им. Горького и отделения литературы и языка Академии Наук СССР о существе уголовного дела на СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В порядке обмена мнениями по информации выступило около 25 человек из числа писательского и партийного актива. Все они единодушно поддержали решение Комитета госбезопасности о привлечении СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ к уголовной ответственности и внесли много ценных предложений по улучшению воспитательной, профилактической работы в творческих коллективах. Многие в своих выступлениях высказывались за проведение судебного процесса и публикацию материалов в печати.

В настоящее время Комитетом госбезопасности совместно с Отделом культуры Центрального Комитета и Союзом писателей СССР готовятся соответствующие публикации в печати, в которых будет раскрыт истинный характер «литературной деятельности» СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В целях обеспечения более подробной информации общественности и пресечения аналогичной деятельности со стороны отдельных враждебно настроенных лиц, представляется целесообразным дело СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ рассмотреть в открытом судебном заседании Верховного Суда РСФСР и осудить преступников за написание и распространение литературных произведений, содержащих клеветнические измышления на советский государ-

ственный и общественный строй, по части I статьи 70 УК РСФСР к лишению свободы.

Судебный процесс предполагается провести в начале февраля 1966 года под председательством председателя Верховного Суда РСФСР тов. СМИРНОВА Л.Н., с участием государственного обвинителя — помощника генерального прокурора СССР тов. ТЕМУШКИНА О.П. в зале судебных заседаний Верховного Суда РСФСР, вмещающем 100 человек, и пригласить на процесс представителей советско-партийного актива и писательской общественности.

По нашему мнению было бы целесообразным участие в судебном процессе общественного обвинителя из числа литературных работников. В этой связи считали бы необходимым поручить Союзу писателей назвать кандидатуру на роль общественно-го обвинителя.

После окончания судебного процесса дать соответствующие публикации в печати и по радио.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности т. В. Семичастный

Генеральный прокурор СССР Руденко
23 декабря 1965 года
N 2843-с

СЕКРЕТНО
2-й сектор 04057
ЦК КПСС

Открытый судебный процесс по делу Синявского и Даниэля состоится в период с 10 по 12 февраля 1966 года в зале судебных заседаний Московского областного суда (зал вмещает 100 человек). Дело принято к производству Верховным Судом РСФСР и будет рассмотрено под председательством т. Смирнова Л.Н. Государственное обвинение поддерживает т. Тешкин — зам. начальника отдела Прокуратуры СССР; защиту обвиняемых осуществляют адвокаты т.т. Коган и Кисенинский. Намечается выступление общественного обвинителя от Союза советских писателей.

Имеется в виду, что судебные заседания будут проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов гор. Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МГК КПСС.

В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложение об освещении этого процесса в печати и по радио:

1. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газеты «Известия» и «Литературная газета». Редакции газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура», и «Советская Россия» по своему усмотрению могут публиковать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал суда (без фотоаппаратов) по служебным пропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Да будет ведомо всем,

Кто

Я

Есть:

Рост — 177;

Вес — 66;

Руки мои тонки,

Мышцы мои слабы,

И презирают станки

Кривую моей судьбы;

Отроду — сорок лет,

Прожитых напролет,

Время настало — бред

Одолеваю вброд:

Против МЕНЯ — войска

Против МЕНЯ — штыки

Против МЕНЯ — тоска

(Руки мои тонки);

Против МЕНЯ — в зенит

Брошен радиоклич,

Серого зданья гранит

Входит со мною в клинч;

Можно меня смолоть

И с потрохами съесть

Хрупкую эту плоть

(Вес — 66);

Можно меня согнуть

(Отроду — 40 лет)

Можно обрушить муть

Митингов и газет;

Можно меня стереть —

Двинуть махиной всей,

Жизни отрезать третью

(Рост — 177).

— Ясен исход борьбы!..

— Время себя жалеть!..

(Мышцы мои слабы)

Можно обрушить плеть,

Можно затмить мне свет,

Остановить разбег!..

Можно и можно...

Нет.

Я ведь — не человек:

(Рост — 177)

Я твой окоп, Добро,

(Вес — 66)

Я — смотровая щель,

(Руки мои тонки)

Пушки твоей ядро,

(Мышцы мои слабы)

Камень в твоей праце.

Юлий Даниэль
Из книги «Стихи из неволи»

Иностранные корреспонденты на судебный процесс не допускаются.

2. Для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса образовать специальную пресс-группу в составе т.т.: Мелентьева Ю.С. (зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС) — руководитель, Ситникова В.Р. (зам. секретарем отдела информации ЦК КПСС), Миляева А.А. (Отдел культуры ЦК КПСС), Кузнецова В.М. (Отдел административных органов ЦК КПСС), Волкова А.Ф., Бобкова Ф.Д. (КГБ при Совете Министров СССР).

Просим согласия.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС В.

Шауро

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев

Зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Савинкин

Справка

Указанные в записке мероприятия осуществлены.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС В.

Шауро

26/II-66 г. 330-А/1

«Хорошо, что мы – большевики...»

*Я строю на песке, а тот песок
еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой остался,
а для меня распался и потек.*

*Я мог бы руки долу опустить,
я мог бы отдых пальцам дать корявым.
Я мог бы возмутиться и спросить,
за что меня и по какому праву...*

*Но верен я строительной программе...
Прижат к стене, вися на волоске,
я строю на плывущем под ногами,
на уходящем из-под ног песке.*

Борис Слуцкий

1952 год.

ФОТО ЕВГЕНИЯ КАШИРИНА

21 мая 1956 года

Дорогой друг и товарищ Целина.

Письмо от 2-го мая я получил, большое спасибо за душевную теплоту. Из письма я узнал, что мое красноярское письмо Вы читали на собрании своих слушателей и мне как-то стало неловко, что обо мне говорили как о человеке, могущем быть примером для других. А ведь, говоря по правде, каждый из нас, большевиков-ленинцев, должен поступать, как поступали многие из нас. Я не мог писать в письме (по почте) о том, что мне известно о гибели наших старших товарищей.

В Красноярском лагере, на комендантском лагерном пункте Нижнепийменского отделения я встретил фельдшера КИЧИГИНА Михаила Александровича, с которым я потом работал в 1-м лагерном пункте, 8-м и 5-м лагпунктах. Он знал, что я связан с т.т. из КПЗБ, КПП и Коминтерна и не советовал мне что-либо писать о моих старых отношениях к ним, так как это может, по его мнению, навеки оставить меня в заключении. Меня возмутила такая постановка вопроса. Я, с присущей мне горячностью и страстью, начал оспаривать все его доводы. Кичигин или из сострадания (чemu я мало верил, но он говорил мне именно о сострадании), или из-за уязвленного самолюбия, сказал мне, что ему известно дело поляков-коммунистов и он мне может рассказать о нем. Меня это конечно не только заинтересовало, но и взволновало, так как во многих своих действиях не отделял себя от названных товарищей. Взяв с меня слово молчать, он мне рассказал страшную версию. Говорю «версию», потому что я разуверился в людях, которые работали с Ежовым и Берия, а Кичигин был резидентом по Польше, а когда его на Западе стало держать невозможно, тогда он был переведен в центральный аппарат НКВД и ему Ежов поручил следственное дело ПОВ (польской организации войсковой). Сам Кичигин и до свержения самодерж-

жавия, вернее до империалистической войны, жил в Варшаве, отец его был полковником царского гвардейского полка (кажется Волынского), но точно не помню, забыл подробности. Как сын полковника, он в армии стал ротным фельдшером, а после революции стал членом партии. Был женат на воспитаннице института благородных девиц. И может быть и потому, что все это является родимым пятном на его партийном лице, он пошел работать в ЧК для того, чтобы заслужить себе право быть большевиком. Это лучший вариант, который дает какое-то объяснение поступкам Кичигина. Все это я знал не по документам (их не было в лагере), а со слов самого Кичигина. Итак, дело идет о следователе Кичигине Михаиле Александровиче – вот что осталось в памяти моей из его рассказов про «ПОВ».

Пилсудский создал Польскую организацию войсковую по принципу строгой конспирации и брал лично сам людей ему известных и им самим проверенных. Кичигин утверждает, что такими людьми были: Иосиф Станиславович Уншлихт, Север-Прухняк, Опак-Богуцкий, Кочеровский-Славинский, Традиция-Будзинский, Будкевич, Гельтман, Лещинский-Ленский, Цихоцкий-Циховский и др. др. Они создали большую организацию, полностью подчиненную «ядеку». Вся КПП была их организацией. Он – Кичигин – знал руководящее ядро КПП, а всех связанных с ними руководителей он не отделял от них, а считал более или менее ответственными агентами «ПОВ». Исходя из того, что всех прибывших в Сов. Союз членов КПП и КПЗБ, Кичигин и другие следователи считали шпионами-«пэовяками», около двадцати тысяч было взято на учет и арестовано. Многие «сознавались» в своей принадлежности к «ПОВ», а были и такие, как Кочеровский-Славинский, который на очной ставке с Севером и Шпаком говорил: «Скорее волосы вырастут у меня на ладони, чем я признаюсь в связях с

ПОВ». Я не могу писать о том, что говорил мне Кичигин, как вели себя отдельные товарищи, потому что не помню подробностей, а говорить нечего, даже про действия палачей революции, я считаю недостойным. Да, для меня было понятно и без объяснений, что немногие выдержали и не подписали ложных показаний на себя. Лично у меня хватило сил на 5-6 месяцев, а когда выбили зубы, пробили барабанную перепонку в левом ухе, переломали ребра, разбили живот резиновой дубиной, у меня началась двусторонняя пахово-мешоночная грыжа, выпадение всех слоев прямой кишки, незакрывающийся левый глаз – я подписал, что был белорусским нацдемом. Я просил, чтобы меня расстреляли, жить изорванным кровоточащим куском мяса было невозможно и я ждал смерти, как отдыха от истязаний. Да со мной еще не так старательно трудились приспешники Ежова-Берии. Доводилось встречать людей и в худшем состоянии. Правда, выживали не многие, но очень многие не отказывались от своих убеждений даже тогда, когда подвешивали за ноги, накачивали воздух в кишечник, ломали бедра, рвали сосуды (Зыкунов, Буценко, Тадарский, Сонкин). Я писал в ЦК, писал в Прокуратуру показания «об активных методах следствия», говорил на заседаниях партийной комиссии о пытках. Будет время и целесообразность для партии, я готов многое вспомнить, как бы это ни было тяжело для меня.

Нехорошо, что я отвлекся «от деятельности Кичигина». Но это так, в виде иллюстрации о их «труде», а не жалоба за себя. Он закончил дело «ПОВ». Ежов поручил ему написать историю этой организации. Он выполнил и это поручение. Ежов прочел историю ПОВ, Кичигина вызвал к себе и сказал свое мнение примерно так – дело вы провели хорошо, очень хорошо написали историю ПОВ и я уверен, что не будучи членом ПОВ, вы не смогли бы так прекрасно все это выполнить, а поэтому и вас мы арестовываем.

Дали ему, следователю Кичигину, 8 лет лагерей решением Особого Совещания и привезли к нам в лагерь. Он, конечно, сразу не сказал, кто он в прошлом, следователей в лагерях били насмерть, только после того, как узнал меня и взял с меня слово не говорить о нем никому, рассказал мне о себе и «о своих заслугах перед страной», которую он «спасал от позяков».

Кичигин писал Берия, что писал – я не знаю, но его освободили до конца срока. Назначили начальником медсанчасти нашего первого ОЛП (отдельного лагерного пункта), а затем он уехал в Москву к семье. Где он сейчас, я не знаю, но где бы он ни был, и что бы он ни делал, о нем должны знать правду, как об одном из палачей коммунистов им замученных. Замучил он, по всей вероятности, немало. Он не был заурядной личностью. Когда я ему доказывал, что товарищи – хорошие большевики, и они убиты по ошибке, он, возражая мне, говорил, что если бы он поверил мне в том, что они невиновны, он немедленно покончил бы жизнь самоубийством. И опять, по неумению скрывать своих чувств, я ответил ему, что «стреляться нужно было до тех пор, пока проводил аресты, а теперь нужно жить, может быть ты понадобишься при распутывании клубка клеветы».

Может быть он теперь застрелился, когда Главная Военная Прокуратура проверила по специальному заданию дела всех товарищей, названных мною в начале письма, и в том числе Пятницкого, Кнорина, и оправдала их.

Когда меня восстановили в партии, я пошел в

Главную Военную Прокуратуру поблагодарить полковника Борисова – прокурора, разбиравшего мое дело. Он в беседе со мною рассказал о судьбе Кнорина, Будзинского, Славинского, Прухняка, Пятницкого и др. др. Сказал, что только жена Кнорина – Нина Александровна приходила к ним, а родственники поляков не приходили. Я нашел Зосю Славинскую, но она уже знала об отце все. Там потом я встретил дочь Ульянова и его жену, встретил дочь Муклевича. И от них узнал, кто остался еще в живых.

Может быть, что тяжесть невозвратимой утери товарищей гнетет меня, может быть я должен был написать Вам это письмо, чтобы оно послужило разрядкой этой гнетущей тяжести, но как бы оно ни было, я написал Вам все, о чем хотел рассказать при встрече. Скрывать от большевиков правду, хотя бы и горькую правду, нельзя. Говорить ее, имеющим отношение к этой правде, недопустимо, ибо то горе, о котором написано в письме о культе личности, и так камнем легло на сердце коммунистов. Горе, постигшее КПП, понятно тем, кто знал эту братскую партию. Я, в меру своих способностей и понимания, знал КПП и КПЗБ, знал и дружил со многими членами партии из КПП и КПЗБ и помогал в работе, будучи в ЦК КП(б) Бел. и КУНМЗМ.

Восемнадцать лет не изгладили остроты чувств, в памяти моей остались светлые имена моих друзей, товарищей, останутся навсегда. Годы совместной работы сроднили нас, а годы испытаний не ослабили, а усилили это родное отношение к ним, большевикам-ленинцам.

Товарищ ЧЕРНОВ передаст Вам в руки это письмо. О приемной дочери Вашей я узнал из письма, но ее родителей я не знаю. Вы мне о них не написали. Если мое знакомство не принесет ей душевных страданий, я готов встретить ее. Славинскую Зосю я хотел видеть как родную, а причинил ей очень много душевной боли. Она плакала весь вечер, и мне было трудно успокоить ее. Ваши девочки были маленькими, и у них есть неизгладимая скорбь сердечная. Может быть им не следует знать всех страданий, но вы не только любящая их мать, но и большевик-ленинец, сами решите и знаете, следует ли читать это письмо.

Хорошо то, что больше ни в одной стране не повторится страшная трагедия. То, что сделали наши товарищи до письма, то, что они написали в письме, все это поможет коммунистам всего мира избежать повторения нашей трагедии. Мы вынесли всю тяжесть ее. Многие на себе испытали жестокость пыток инквизиторов нашего века. Мы с Вами знаем, что будь мы послушными идолями, и будь мы верными служителями культа личности, мы бы тоже сидели на даче под Москвой, и не подвергались бы испытаниям.

Очень хорошо, что мы не очерствели, не стали бездушными себялюбцами, очень хорошо, что у нас не притупилось чувство товарищества, что мы остались искренними и по-юношески задорными и пылкими, а самое главное, что не убили в нас, что не надломили любви к светлым идеям ленинизма, к основоположнику этих идей – Владимиру Ильичу.

Хорошо, что в свое время мы стали большевиками-ленинцами. Такими мы останемся, пока будет биться наше сердце и мыслить мозг наш.

По-товарищески обнимаю Вас, дочерей Ваших, Якова, Лизу, Лену, Соню и шлю привет всем хорошим товарищам, помнящим меня добром.

Ваш

А боль не проходит...

Все, что я расскажу, я полвека хранил в тайне, и даже мой сын, которому сейчас 51 год, не знал ничего. И вот теперь в журнале среди списка репрессированных поляков я вдруг увидел фамилию моего отца...

Жили мы когда-то под Винницей, бывшая Киевская губерния, село наше называлось Радзивилловка. Прадед мой еще в незапамятную войну воевал, а фамилия его была Платон. Он женился на польке и принял ее фамилию, вот и стали мы Левицкие. Думаю, что из-за «ицких» мы и пострадали в 30-е годы. Отца арестовали, продержали недели две и выпустили, через три месяца посадили снова — и с концами. Меня же, как сына «врага народа», уволили с работы, а у меня уже была семья. Переживал я сильно. Поехал к другу в Бурею. А на меня уже розыск; я не скрывал, куда поехал, и по всей трассе сообщали о розыске телеграммой, только до Сковородино и доехал. Сняли с поезда, повезли в Иркутск.

Вся наша жизнь пошла под откос. Отец с матерью жили в казенной квартире, в бараке, а мы с женой снимали жилье на стороне. После ареста отца мать из квартиры выбросили и приказали убираться восвояси. Она уехала домой, в Радзивилловку. Но и там матери жить не дали, пришлось ехать к сыну в Бердичев. До жены моей, Пелагеи Кондратьевны, тоже добрались. Мы с ней были не расписаны, и она носила другую фамилию, однако, ей тоже пришлось уехать. Так и осталась она одна, беременная.

В Иркутскую тюрьму меня привезли 10 февраля 1938 года. Народу там было очень много — в одной камере нас было 750 человек. Это была даже не камера, а бывший хлебный склад, который быстренько приспособили под тюрьму. Умирали многие. Не выдерживали, вешались. Хоронили погибших там же. Были мы все по 58-й статье — политические. В одном бараке было около 700 человек, в другом — 900, это не считая нашей камеры. Сидели и японцы, и эстонцы — кого только не было.

Того мне пришлось в тюрьме. У меня было 4 следователя: Столопников, Федосеев, Пендорин и еще один — фамилию не запомнил. Каждый из четырех новое дело заводил. Ворох бумаги испытывал и в пакет складывал — четыре пакета завели. Допрашивали следующим образом: Пендорин дает мне готовый список, там 37 фамилий. Подпиши, говорит. Я не подписываю. Не знаю, говорю, неграмотный. Он читает вслух. Запомнил, спрашивает. Не запомнил, говорю. Всяко я увиливал — знал ведь, что с теми будет, на кого подпишу. Ну, раз не подписываю — со мной другой разговор: сидит следователь посередине комнаты и пиво попивает. У него 4 помощника-милиционера, которых называли «дрельщиками». Вот Пендорин допил пиво, как бы нехотя встал из-за стола и вдруг как врежет мне пистолетом под дых. На ногах я не устоял. Пендорин говорит «дрельщикам» — поднимите гада. Ну, они поднимают пинками, а если сам быстро не встал, руки выворачивают. Поэтому мне правую руку и теперь не поднять — это мне на память осталось. И руки, и ноги на допросах выворачивали. Брату моему Станиславу все внутри отбили: 17 мая 1939 года его выпустили, а в 49-м он умер.

Избивали долго, требовали подписать списки, а я держался. Не знаю, неграмотный. Поставили лицом к стенке, в угол. Четыре угла в кабинете у

следователя, и в каждом углу зек стоит. Посреди комнаты «дрельщики» сидят, в домино дуются. И следят при этом, чтобы в углу никто пошевелиться не смел. Чуть дернешься — тебя по шее заточенной ножкой от табуретки. Стоял я у стены до тех пор, пока валенки на мне не разрезали — пальцы ног толще запястья были. Стоял я и трое суток в карцере, по щиколотки в воде. И под «капелью» был — это такая пытка чекистская: с высоты семи метров на голову, капля за каплей, вода, как камнем по темени.

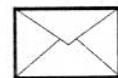
Списка я не подписал.

Я все думаю: какая жизнь нескладная! В 1923 году — голод, в 1929-1935 — коллективизация и опять голод, в 1937 — тюрьма, в 1941 — война, — и так вся жизнь в колдубинах. И здоровья нет — отбили, ведь как били!

Не знаю, и зачем я живу, и за что мне судьба такая. А боль эту и обиду за «врага народа» я всю жизнь ношу вот тут, на сердце, и не проходит она...

Иван Павлович ЛЕВИЦКИЙ.

Иркутск.

Комментарии излишни

Я получила письмо из Польши от незнакомой женщины.

«Уважаемая госпожа Рената Леонидовна!

Я, Каролюк Бернадета Константиновна, рожденная 25.03.1939 г. в Новые Свенцяны, обл. Виленская, ЛССР, вместе с матерью Каролюк Брониславой Юстиновной, рожденной 20.01.1901 г. и братом Каролюк Зеноном Константиновичем, рождения 31.10.1931 г., ночью 25.03.1949 года с Новых Свенцян была вывезена в ссылку в Сибирь.

13.04.1949 г. мы втроем приехали в Кутулик Аларского района Иркутской области. Оттуда повезли нас в колхоз «Красный Шапшалтуй», а потом, после 1 года, в колхоз им. Дзержинского в Александровку, ст. Кутулик Аларского района Иркутской области, где мы жили все время.

Я училась в семилетней школе в Кутулике и жила там в общежитии, а потом училась в десятилетней школе в 8 и 9 классе, откуда я с матерью и братом поехала в Польшу. В Польше мы были 6.01.1956 года.

Мой брат Каролюк Зенон Константинович работал в колхозе, имею его справку, которую вам посылаю.

Моя мать работала в колхозе им. Дзержинского, по приезде в Польшу умерла.

Я вас прошу прислать мне, пожалуйста, справку о том, что я была там, на Сибири от 25.03.1949 до декабря 1955 г., мне нужны очень здесь такие документы. Очень вас прошу.»

И — польский адрес.

Я запросила от имени «Мемориала» в Кутуликском поселковом совете такую справку, и мне ее довольно быстро прислали, а я отправила в Польшу Каролюк Бернадете Константиновне.

Ей было 10 лет, брату 18, а матери 48 лет, когда семью отправили в суровый сибирский край, в ссылку, в которую царьсылал опасных революционеров — Ленина, Сталина и других большевиков, но их семьи он не трогал. Позже большевики с помощью сибирской ссылки боролись с детьми и женщинами.

Комментарии излишни.

Рената ЯКОВЕЦ

Слюдянка

Штрих к портрету

Тридцатые, предвоенные годы... Известные уже не по школьным, лживым и вылизанным учебникам, с крохотными вкраплениями правды. Годы, составленные мозаично из острых обломков судеб ярких Личностей, уничтоженных Плесенью. Мозаика, в которой многие яркие частицы — тогдашние звезды и кумиры, — выцвели и потускнели, а многие другие, напротив, выступили и засияли. Время все расставляет по местам, бесконечно сортируя и тася, как огромный пасьянс, по мере открытия новых и новых подробностей той жизни.

Но есть нетленные имена, нетленные деяния, значимость которых не умаляется, которые время лишь ласково шлифует и полирует, очищая от мутного налета.

Одно из таких имен — Мейерхольд. Написано и сказано о нем много, и вырисовывается портрет умного, очень талантливого, предельно честного человека. «Слишком» замечательного, «слишком» яркого, «слишком» нетривиального и в любви (помните, «Роман без вранья» А. Мариенгоф), и в творчестве. А потому — арест в 1939, в 1940 — расстрел.

Мой рассказ о предшествующих событиях, 1935, 1936 годов, о человеке, который обязан Мейерхольду личным благополучием, а, может быть, и жизнью.

В 1935 году Лев Михайлович Зельман попал во вновь сформированный 8 "А" класс 86-й московской школы, расположенной на Красной Пресне. В два класса "А" и "Б" были собраны ребята, в основном, с Пресненского Вала и улиц Красной Пресни.

"Б" был более элитарным, там учились дети артистов кино и театра, различных «шишек». "А" чуть скромнее составом, но и здесь были свои знаменитости: Игорь Миклашевский, чемпион Москвы по боксу в полулегком весе (в последствии стал разведчиком); Бубнов, перворазрядник по шахматам, который мог одновременно играть на 10 досках; Костя Есенин, сын Сергея Есенина, заядлый ценитель и знаток футбола. Костя был душой класса, да, к тому же, имел фотоаппарат, отдельную комнату в квартире Мейерхольда, своего приемного отца, доступ к большой библиотеке. Поэтому у него любили собираться гости. Часто бывал Лев и еще один мальчик (он стал крупным дипломатом, и Лев Михайлович предпочел его не называть). Мальчик этот жил далеко, в Переделкино, и иногда даже оставался ночевать у Кости.

И Зинаида Николаевна Райх, и Всеволод Эмильевич Мейерхольд были любезные и приветливые люди, бывать в гостях у них было приятно. Однажды, на день рождения Кости, друзей пригласили на дачу в Балашиху. Зинаида Николаевна, изумительно красивая, с походкой мягкой и плавной, была замечательной хозяйкой, угождала ребят глинтвейном и всяческими вкусностями.

Всеволод Эмильевич приходил иногда в школу, рассказывал о новом строящемся на Триумфальной площади театре с вращающейся сценой, движущимися лестницами (ныне площадь Маяковского, концертный зал имени Чайковского), присыпал в школу контрамарки на престижный шестой ряд. Театр был неподражаем. Спектакли начинались выстрелом, а позже — ударом гонга. Занаве-

са не было, чтобы зрители могли все видеть, соучаствуя в действии. Однажды был устроен буфет, как сказали бы теперь, с самообслуживанием, т.е. люди брали съестное, клали деньги, брали сдачу без всякого надзора. Больше, правда, такого не повторялось. Спектакли, где почти все главные роли играла Зинаида Николаевна Райх, были неожиданными и запоминающимися. Кстати, забегая вперед, когда закрыли театр, по Москве ходили слухи, что это из-за новой постановки, где по ходу действия умирает старый еврей, звучит траурная музыка, а за окном видны красные флаги, идет революция. Комиссия, просматривавшая постановку, решила: Мейерхольд хоронит революцию.

Но вернувшись к рассказу. В 9-м классе дружная троица, собравшись у Кости, решила создать организацию с громким названием «Лига справедливости», чтобы у учителей не было любимчиков, чтобы заслуженно ставили отметки, чтобы родители своим положением не влияли на оценки детей. Обычные школьные обиды. Напечатали «Устав», «Программу», газету с красивым названием «Альянс», воспользовавшись пишущей машинкой Мейерхольда. На радостях сфотографировались. А потом принесли все это в школу. Газету повесили на стену, «Устав» и «Программу» положили в классный журнал... Через час в кабинете директора Протасовой Ларисы Дмитриевны, бледной и растерянной, их расспрашивали дяди в штатском: кто из взрослых ими руководил? Кто стоит за ними? На следующий день расспросы продолжились уже в горячо (или тогда еще гуано?) Три часа спрашивали все о том же. Что последует дальше, было ясно. «Врагов народа» становилось все больше... Но их спас Мейерхольд, имя которого пока еще имело вес. Пока еще, ибо опала уже началась. А поступок этот, возможно, послужил отправной точкой, толчком для «режиссеров» с Лубянки.

Ребята отделались легким испугом, хотя и за меньшие грехи люди навсегда меняли свою жизнь на лагерное существование.

Лев после десятого класса поступил в МАИ и никто никогда не вспомнил ему эту историю. Третий организатор, как уже говорилось, стал дипломатом.

С Костей судьба обошлась круче. Летом 1939-го, после ареста Всеволода Эмильевича, зверски убили мать — Зинаиду Николаевну Райх. Из квартиры в Брюсовском переулке Костю и его сестру высыпали. А дальше война... Простым рядовым. Но хоть здесь повезло — выжил.

Лев Михайлович с Константином Сергеевичем связи не потерял. Они встречались и после войны, Константин Сергеевич приезжал в Рязань. Жаль, что запрет на имя Мейерхольда так и не позволил ему написать о своих родителях и о тех событиях. Похоронен он в Москве на Ваганьевском кладбище рядом с родителями: Сергеем Есениным и Зинаидой Райх. Рядом — памятник Всеволоду Мейерхольду. Тела там, конечно, нет.

Вот и вся история. Больших открытий, значительных фактов в ней нет. Это просто фрагмент нескольких жизней в пересечении и штрих к портрету великого человека.

Екатерина НАУМКИНА

Рязань

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР «КАРТА»

Российский независимый исторический журнал «Карта»
Рязанское отделение международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
Редакция демократической газеты «Рязанский вестник»

РЯЗАНСКИЙ ВЕСТИКЪ

Программа «Индекс репрессированных»: создание общедоступной компьютерной базы данных персоналий советских и иностранных граждан, репрессированных на территории региона

Программа «Архив»: исследовательская работа в отечественных и зарубежных архивах по изучению истории карательных органов и репрессивной практики государств Восточной Европы

Программа «Свидетельство» (устная история): запись и обработка воспоминаний бывших узников тоталитарных режимов

Программа «Карта ГУЛАГА»

Изучение пенитенциарной практики тоталитаризма в регионах бывшего СССР и странах Восточной Европы, поиск мест захоронений жертв репрессивных режимов

Программа «Мемориал совести»: восстановление кладбищ лагерей НКВД-МВД, установка памятных знаков в местах гибели жертв тоталитаризма

Программа «Солдаты второй войны»: сбор информации о судьбах военнопленных, концентрационных лагерях, местах захоронений погибших воинов

Программа «Независимая типография»: создание независимой полиграфической базы для демократических изданий региона, выпуск непартийной демократической газеты «Рязанский вестник», просветительская деятельность в области защиты прав человека и основных демократических ценностей

Программа «Карта»: издание российского независимого исторического журнала «Карта» для публикации исследований в области новейшей истории, касающихся репрессивной политики государств Восточной Европы, истории инакомыслия, правозащитной деятельности современников

To the notice of those, who want to support the struggle for human rights and historical justice restoration in the former USSR.

Der Aufmerksamkeit derer, die den Kampf um Menschenrechte und die Wiederherstellung der historischen Gerechtigkeit in der ehemaligen UDSSR unterstützen mochten:

Current account for rendering assistance –
in Germany: N10707269, Bankindex 40050150,
Stadtsparkasse Muenster, Westf, BRD.
in Poland: N A-00210988 P.K.O. SA ODDZ Olsztyn,
ul. Dabrowszakow 30, Polska.